

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

КЛУБ
Кладочискателей

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

КЛУБ
Кладочискателей

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

КЛУБ
Кладочискателей

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Юля и Катя: пора браться за расследование

Маргарита Малинина
Клуб кладоискателей

«Автор»

2019

Малинина М.

Клуб кладоискателей / М. Малинина — «Автор», 2019 — (Юля и Катя: пора браться за расследование)

Никогда не давайте в долг незнакомым людям! Кто бы мог подумать, что из-за двадцати рублей, одолженных странному незнакомцу в ночном баре в Туапсе, сыщицы-любительницы Катя и Юля окажутся втянутыми в поиск настоящих сокровищ. Всего через несколько минут после встречи незнакомца убивают в темной подворотне прямо на глазах у подруг, однако перед смертью он успевает передать Кате половину карты для поиска клада и намекнуть непонятной фразой, где искать вторую. За картой, как выяснилось, гоняются, помимо подруг, весьма опасные лица, которые уже убили двух человек. Впрочем, девушкам пока не страшно: у них есть сильные и умные сообщники. А вот когда компаньоны находят то, что искали, здесь уже и начинается самый настоящий страх... 4 книга в серии о Юле и Кате. Предыдущая версия романа издана под названием «Конец света по Гринвичу»

© Малинина М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Маргарита Малинина

Клуб кладоискателей

Глава 1

- Катя, передай Юле кусочек пирога.
- Хорошо, – сказала Юля и передала пирог Кате.
- Спасибо, Катя, – поблагодарила Катя Юлю.
- А ты, Юля, кушай-кушай.
- Ага, – согласилась Катя и послушно принялась жевать вкусный яблочный пирог.

Вы можете подумать, что прочитанное вами является диалогом пациентов психиатрической лечебницы, но это не так. Вернее, не совсем так. Катя – это я, Юля – моя закадычная подруга, и со всей ответственностью могу заверить, что мы абсолютно дееспособны. Ну, случаются, конечно, как и у всех людей, маленькие отклонения: я, например, личность весьма деятельная и эмоциональная и, если занесет немного не туда, могу сорваться на истерику, типичную бабью истерику с битьем посуды и гневливыми высказываниями в адрес обидчика на повышенных тонах; Юля же личность спокойная, меланхоличная, и иногда впадает в депрессию, при которой не ест, не пьет и ни с кем не разговаривает. Но знающие нас к такому поведению давно привыкли, а с незнакомцами мы, опять же, как и все нормальные люди, стараемся держать себя в руках. Вот и я сперва без конца поправляла эту старушку, неизбежно путающую наши имена, затем свылась. Так мы и живем. Юлька откликается на Катю и, ежели слышит из уст старушки свое настоящее имя, даже не рыпается, поняв, что зовут не ее, а меня. Я, соответственно, стала отзываться только на Юлю.

Сейчас поясню, что же это за старушка такая и кем она нам приходится. Вообще говоря, никем. У Юльки там, на большой земле, в Московской области, откуда мы и приехали, имеются в наличии любящие родители, у меня же – любящие мама и бабуля. Само собой разумеется, родные нас не путают. Но вот мы решили провести отпуск на побережье Черного моря, впервые оторвавшись от юбок мам куда-то далеко (Юльке – девятнадцать, мне через шесть недель будет двадцать), купили билеты на поезд Москва-Туапсе и приехали в далекий город в надежде, что нас здесь ждут с распростертыми объятиями. Однако в середине солнечного июня, да еще и с нетолстыми кошельками нас ждали неохотно, пришлось немало помаяться, скитаясь по городу в поисках дешевого жилья. Вот таким макаром, поблуждав на чужбине с четырнадцати десяти – время прибытия поезда – и почти до самого вечера, мы оказались у бабки, что была глуха на правое ухо, подслеповата на оба глаза, носила вставную челюсть, которую на ночь бережно складывала в большой граненый стакан, и путала все на свете. Единственное, что она хорошо умела делать, – это считать полученные за жилье деньги, все-таки борьба за выживание в побережных городах и поселках, где всю царил безработица, велась нещадная.

К тому времени, как мы, идя вдоль тротуара, напоролась на божий одуванчик, облаченный, несмотря на жару, в шерстяное платье и платок, повязанный вокруг морщинистого лица, с табличкой на груди «Сдаю нищим студентам», мы настолько выбились из сил, что, едва переступив порог, назвав свои имена и уплатив довольно скромную за десятидневное проживание сумму, тут же повалились на предоставленные кровати и уснули, совсем не постеснявшись того, что за столько часов нахождения в солнечном Туапсе так и не увидели море, ради которого, в общем-то, и приехали и которого не имели счастья видеть вживую уже много-много лет.

Юлька разбудила меня около половины двенадцатого вечера этого же дня (а легли мы в девять) с предложением поужинать. На удивление, хозяйка, назвавшаяся бабой Дусей (а по паспорту она Евдокия Карловна), еще не спала. Вот тут-то мы и познакомились по-челове-

чески. Баба Дуся объяснила, как добраться до ближайшего пляжа (оказалось, что он совсем рядом), и накормила вкусным ужином – картошечкой, пожаренной на настоящем топленом масле, и окрошкой, заправленной квасом собственного приготовления. Моя подруга окрошку не уважает, потому кушать не стала, а вот я, не беспокоясь о том, что придется засыпать со вздувшимся от переедания желудком, усиленно налегала и на то и на другое. Уже тогда стало ясно, что запомнить старухе, кто из нас кто, не дано, и мы оставили сие бесполезное занятие, справедливо рассудив, что особой разницы между Юлией и Екатериной не имеется. Это вам не Эсмеральда и Яю-дзы, а два самых популярных русских имени. При всем при этом нам и друг другу пришлось величать в том же самом порядке, так как Евдокия Карловна, услышав как-то раз, что я назвала Юлю ее собственным именем, обругала:

– Как не стыдно, Юлечка, столько лет с подружкой водишься, а имя ее путаешь! Катенька она, Катенька!

Ну что тут поделаешь? Расстраивать старых людей – грех, посему я извиняющимся тоном произнесла, обращаясь к Юльке:

– Прости, Кать, так с дороги устала, что заговариваться начала.

Моя подруга, еле сдерживаясь, выбежала с кухни, чтобы насмеяться вдоволь.

Сегодня нас накормили яблочным пирогом, снабдили подробнейшей инструкцией по пользованию пляжем и морем и с богом отпустили на свидание с ними же. Зря мы сунулись сюда в одиннадцать часов... Галечный пляж был так основательно забит, что в голове появлялись мысли, а не с вечера ли тут занимают места. Если так, возможно, уже сейчас стоит записаться на вечернее посещение? Однако все недовольство, вызванное угрожающе большой плотностью социума на единицу площади, с лихвой окупило море. Такое бирюзовое, а ближе к горизонту – синее, и такое умиротворенное, спокойное, тихое, теплое, бездонное, бескрайнее... Короче, эпитеты можно подбирать до вечера следующего дня, ни разу не повторившись.

Кстати, раз описала море, опишу и свою подругу. Юля – худая, высокая (сто семьдесят сантиметров с гаком) длинноногая блондинка, приветствующая спортивный стиль одежды, а волосы посему собирающая в неизменный хвост. Образцова – фамилия моей подруги – уверена, что в мире всегда торжествует справедливость, для того, чтобы сделать карьеру, нужно работать усерднее других, а для того, чтобы встретить принца, нужно просто ждать его, ибо судьбою каждому уготована встреча с его половинкой, и, если первый раз ты ее проворонишь, судьба будет тебе предоставлять шансы вновь и вновь, пока человек наконец не облагоразумится и не примет дар небес. Козлы, преимущественно встречавшиеся на Юлькином жизненном пути и усердно портившие ей кровь, совершенно не лишили подругу должного девичьего романтизма, детской наивности и твердого подросткового идеализма.

Я же была во многом не похожа на подругу, начиная с внешности (предпочитаю спортивному стилю женственный, приближенный к категории «женщина-вамп», а длинные темные волосы использую как приманку на мужчин, потому не прячу их в тугой пучок, как старая дева, а раскидываю строго в направлении ветра) и заканчивая мудрым, а стало быть, циничным мировоззрением: да, торжествует справедливость, но она на стороне тех, у кого больше денег; карьеру не сделаешь, пока не переспишь с начальником, в крайнем случае – пока не сменишь пол на мужской и не станешь при этом большой свиньей, перепрыгивающей через людей, обдавая их напоследок грязью с задних копыт; половинки-то, может быть, и существуют, только человек – настолько эгоистичный биологический организм, что зачастую ты успеваешь переругаться с этой половинкой задолго до того, как приходит понимание, что это и была она, частичка тебя, а после этого пытаться наладить отношения уже бывает слишком поздно. Однако, невзирая на многие несоответствия в мировоззрении, мы с Юлькой дружили с самого детства и почти никогда не ругались.

Мы направились сразу к будке блюстителей порядка и, по совместительству, спасателей, на двери которой висело грозное предупреждение: «Не заплывайте далеко! Кто утонет, тот

больше купаться не будет!!!», выторговали у них два шезлонга и, гордо отказавшись от любезно предложенной помощи дотащить добычу, начали справляться с этим заданием сами. Я несла поклажу сзади Юли, потому прекрасно видела, как моя неуклюжая подруга угодила деревянным шезлонгом одной солидной мадам, с важным видом читающей книжку, прямо по темечку, отчего та молча лишилась сознания, уронив напоследок чтиво себе на живот, а голову – на край полотенца.

– Сорри, – извинилась я за подругу, проходя мимо неподвижно лежащей тети, а мальчик, шлепающий следом, споткнулся о ее ногу и, матюгнувшись очень неприличным для своих шести-семи лет словом, уронил пластиковый стаканчик с какой-то оранжевой жидкостью на отключившуюся женщину. К слову, жертва шезлонга ничего этого не заметила, все еще пребывая в нирване. – Простите еще раз, – извинилась я теперь за мальчика и, сделав еще полтора десятка шагов, присоединилась к Юльке, сумевшей втиснуться в толпу курортников почти с самого края пляжа, ближе к выходу.

Постелив на шезлонги захваченные полотенца, мы разоблачились, оставшись в бикини красного (я) и голубого (Юля) цветов и принялись тщательно обмазываться кремом для загара.

– Ты чуть не убила женщину, – укорила я подругу.

– Какую? – уставились на меня два недоумевающих серых глаза.

– Ту, что в черно-белом раздельном купальнике лежит через три прохода впереди. – Я указала пальцем на пострадавшую. Что и говорить, та еще не пришла в себя. Дерево – чрезвычайно крепкий строительный материал. – Не туда смотришь, бери правее. Вон она, в черно-белом!

– Химия в полоску? – Короткие высвеченные волосы женщины действительно завивались, а двухцветный рисунок купальника имел полосы.

– Да, она.

– И как, скажи на милость, я пыталась ее умертвить? Может, по голове ударила со всего маху? – подруга и не подозревала, насколько была близка к истине.

– Именно так! Она валяется там без сознания. Как бы не сторела.

– Ну иди и оттащи ее в тенек, – хихикнула Образцова, которая так и не поверила в то, что я ничего не выдумываю.

Меня это возмутило.

– Между прочим, мне пришлось за тебя приносить извинения!

– Ты же говоришь, она в отключке!

– Так и есть, – пожала я плечами, не понимая, что в этом зазорного. Лучше извиниться перед тем, кто тебя не слышит, чем не извиняться вообще – в последнем случае небеса будут считать, что делать пакости в твоём характере.

Мы по очереди сходили искупаться и приступили к игре в морской бой.

– А-1, – не слишком оригинально начала Юля. – Видела кексов у самой кромки воды? Они пялились на меня, когда я плавала.

– Мимо. И на меня тоже. В-5.

– Тоже мимо. Думаешь, подойдут?.. Ой!

– Юль, следует называть буквы от «А» до «К».

– Они смотрят на нас.

– Что? – На что там они могут смотреть через десять рядов тел? Но, оторвав глаза от листа в клеточку и обратив их в толпу, я также смогла лицезреть тех парней, о которых говорила Юлька: они единственные стояли во весь рост, не обращая внимания на то, что некоторые отдыхающие недовольно высказываются в их адрес за то, что те отбрасывают тень, и смотрели, как это ни странно, на нас с подругой. В то же время, оглядев нашу часть пляжа, я резюмировала, что смотреть-то больше и впрямь не на кого. Обоим было лет по двадцать пять. Один из парней – в меру высокий загорелый брюнет атлетического телосложения, одетый в плавки

дерзкой леопардовой раскраски, – смело направился в нашу сторону, не сводя глаз с подруг, точно боясь потерять курс и вырулить не в ту местность; другой же – не в меру высокий, а точнее, метр с девятью с половиной десятками, блондин с длинными, до плеч, волосами и узким лицом – остался стоять истуканом.

– А-2, – произвела «выстрел» подруга и правильно сделала: нечего ему знать, что мы с нетерпением ждем, когда же парень до нас дотопаёт и изложит, что ему надобно, хотя это было, чего скрывать, безумно интересно.

– Фиг тебе. – Это означало «мимо». Не люблю говорить банальности. – Ж-7.

– Мазила. А-3.

– Еще раз фиг. – Что и говорить, зная Юлькину манеру «стрелять», я всегда оставалась непобежденной. К сожалению, играть с постоянным партнером – весьма скучное занятие. Мы давно привыкли к способу расставлять корабли противником и к его методам «расстрела». – З-2.

– Ранен! – ахнула подруга и через два моих хода произнесла роковое: – Убит. Трехпалубный... Как ты могла?

– Прости, крошка. На войне как на войне. И-9.

– Мимо! – Юлька только собралась сказать свое «А-4», как вдруг...

– Г-4. – Это был он. Загорелый брюнет, наконец-то дошедший до нас, оставив позади этот лабиринт Минотавра из валяющихся туловищ, будто бы специально подставляющихся для того, чтобы на них наступили. Но парень сумел не причинить никому вреда, вывод: гибкий, умеющий просчитывать ходы и, судя по торсу, занимающийся спортом. Скорее всего, плаванием, до того гармоничными были бугорки мышц и широкие плечи. Пока я его разглядывала, парень без спроса уселся между нашими топчанами. – Доверьтесь моей интуиции, скажите Г-4, – попросил он Юльку. Та вняла совету.

– Блин! Труп, – мой аналог слову «убит». – Зачем вы это сделали? Кто вас сюда звал? Устраивайте с другом свои собственные бои, не лезьте в наши! – накинулась я на непрошенного гостя.

– Простите, – весьма вежливо откликнулся тот, – просто хотел показать, что вижу вас насквозь.

– Не поняла? – нахмурилась я. – Псих, что ль?

– Почему же псих? – мягко улыбнулся парень в «леопарде». – Я психолог и умудрился вас раскусить. Вы считаете, что никто в целом мире не способен вас понять, в то же время желаете видеть возле себя только того человека, который сумеет предугадать все ваши желания, которому не нужно будет объяснять причины ваших поступков, потому что он поймет их сам. Понимая, что такого человека на земле нет, вы взъелись на целый мир, отсюда – идеологический пессимизм во взгляде на жизнь. Я попытаюсь вам помочь. Докажу, что я как раз тот, кто вам нужен.

– Психолог? – удивилась я. – А как же плавание?

Юлька едва с лежанки не свалилась. Выражение ее лица вопрошало: какое на фиг плавание, о чем ты?

Молодой человек побледнел, а брови его подпрыгнули высоко вверх.

– Это правда, я занимаюсь плаванием. И успел при этом окончить заочно факультет психологии. Но как вы догадались?

– Что ж, смею признаться, я тоже вижу людей насквозь. Чтобы стать психологом, вовсе не обязательно получить по этой специальности диплом. Достаточно быть внимательным к людям, к их внутреннему миру, а прежде всего, познать самого себя. Так говорил великий Сократ.

– Что ж, с Сократом я не поспорю... – Брюнет заметно стушевался. Даже со стороны было видно: ему утерли нос. То он, такой важный и крутой, выдает верный ход, а следом – умную

и трогательную речь, а то его ставят на место при помощи Сократа. Но, по счастью, брюнет оказался незаносчивым и незлопамятным. – Итак, 1:1, ничья. Интересно знать, как зовут прекрасную леди, увлекающуюся древнегреческой философией? Простите мне мое любопытство, но сейчас такие эрудированные нечасто попадаются.

– Прощаю. Екатерина.

– А вас? – повернулся он к Юльке. Та назвалась. – Дмитрий, очень приятно. Милые дамы, позвольте привести к нашему, извиняюсь, – поправился он, – *вашему* шалашу моего друга Михаила. Он очень застенчив, потому бразды правления в зарождении знакомства целиком перекладывает на вашего покорного слугу.

Мы переглянулись и еле заметно кивнули. Дима сигнал понял и отправился за другом. Не мудрствуя лукаво, чем занять себя в ожидании прибытия друзей, мы вернулись к игре. После «труса» правом сделать ход обладала соперница:

– А-4, – вернулась Юлия Сергеевна к «проверенной» тактике.

– Фиг под нос. Б-3.

– Мимо. А-5.

– Обломись. К-10.

– Блин! Убит. Стреляй дальше.

Но не пришлось. К нам уже приблизились Дмитрий с Михаилом, попросив сдвинуться чуть вперед парочку отдыхающих, расстелили полотенца возле наших топчанов и вызвались посторожить наши вещи, пока мы пойдем купаться.

– Спасибо, – обрадовалась Юля, которая страсть как не любила плавать в одиночестве и уже поднялась с шезлонга, но я остановила ее за руку и усадила обратно.

– Больная? А вдруг они курортные аферисты? У меня, между прочим, мобильник дорогой, и деньги в кошельке водятся.

– Катя! – пристыдила меня подруга и смущенно покраснела. – Извините, ребята, у нее не все в порядке с головой.

Ой, зато у меня все в порядке с координацией, и я не вырубаю теток на пляже тяжелыми деревянными орудиями! Но вслух я говорить не стала.

– Девушки, не ругайтесь! Юля, Катя права, таких вещей стоит опасаться, – вступился за меня Дмитрий и предложил: – Давайте будем ходить в воду парами. Итак, объявляю белый танец. Дамы приглашают кавалеров. Катюша, кого берете с собой в спасатели в опасную водную стихию?

– Эх... Идемте, Дмитрий. – Я поднялась. – Во-первых, вы за меня вступились, и я должна отдать вам долг, во-вторых, поскольку вы профессиональный пловец, то из вас и в самом деле выйдет отличный спасатель в случае чего.

Камни уже сильно нагрелись, и мне приходилось, стоя, во время этого разговора перескакивать с одной ступни на другую.

– Позвольте, я отнесу вас на руках, – вызвался Дима.

– Не впадайте в крайность. У меня есть шлепанцы.

Абсолютно чистое небо прижималось вплотную к поверхности моря, образуя линию горизонта. Доброе желтое солнышко играло лучами в небе, отбрасывая отблески света на синеву моря, ближе к горизонту – больше, дальше от горизонта – меньше, но даже у самого берега вода красиво искрилась. Слабые волны тихо и размеренно разбивались о гальку, сгруппировавшуюся в небольшой холмик перед входом в воду, что значительно этот вход затрудняло, благо Дмитрий, как истинный джентльмен, предложил мне руку. Шум моря заглушался гвалтом ребятишек, резвившихся вдоль берега и брызгающих водой в прохожих. Один такой пацан и обдал нас с брюнетом теплой водой, зачерпнув ее ладонями, я весело взвизгнула, а Дима погрозил мальчонке пальцем. Однако, протерев глаза, я его узнала. Это был тот самый

мальчик, уронивший на полосатую стаканчик. Что-то я стихами заговорила... Это был пацан, что уронил стакан. Ну вот, опять.

– А тетя еще не проснулась, – доверительно сообщил он мне, чем серьезно напугал: а вдруг Юлька ее уколошила?

– Какая еще тетя? – удивился Димка.

– Брось, пустяки, – отмахнулась я. Понятное дело, рассказывать такое не хотелось.

Я зашла почти по пояс и теперь усиленно натирала водицей свой плоский животик, дабы ему легче было погрузиться в море. Вода была теплой, и все-таки тридцать шесть и шесть против двадцати пяти – это сильный контраст.

– Ну давай же, смелее! – Дмитрий уже окунулся и теперь, весь мокрый, подбадривал меня. Капельки влаги на его груди соблазнительно блестели на солнце. И почему меня так тянет к мускулистым мужчинам?

Неожиданно он схватил меня и бросил в море.

– Ах, так! – разозлилась я, вставая на ноги и выплевывая набравшуюся в рот по причине негаданности его поступка соленую воду. – Получай!

Я мгновенно нырнула и проворно дернула его за ноги, в результате Дмитрий тоже нахлебался, когда открыл рот от возмущения.

– Не догонишь! – засмеялась я, видя его воодушевленное лицо (никак придумал в отместку поддержать мою голову под поверхностью воды пару часиков), и поплыла в сторону горизонта. Уже через пять секунд, мастер своего дела, он оказался рядом.

– С кем тягаешься? – хохотнули сбоку. Я резко поднырнула, а высунулась уже с другой стороны и поплыла в сторону. Обернулась – его нигде не было. Что за ерунда? По сценарию он должен плыть за мной, пытаюсь нагнать.

Тут я ощутила под собой движение и в следующую секунду его голова вынырнула прямо перед моим лицом. От внезапности я вздрогнула и пошла ко дну, но утонуть безвестной мне не дали – обхватили и выдернули на свет божий. Таким образом я оказалась в его объятиях. Воспользовавшись этим, парень приблизил ко мне свои губы, но я наложила на них указательный палец, словно вето.

– Не форсируй.

– Окей, извини.

Он меня выпустил, и мы поплыли к берегу, который был совсем близко.

Юлька играла с блондином нашу с ней партию, причем у последнего в руках оказался мой листочек и играл он от моего имени. Ужас! Незамедлительно его, лист, отобрав, я успокоилась: Михаил не сдал противнику ни одного корабля, однако вражеского тоже ни одного не подбил. В общем, ничего интересного я не пропустила.

– Она всегда так странно ходит? – спросил меня блондин.

– Как? – переспросил его друг. – Ноги колесом? – и захохотал. Юлька кинулась в него пустой бутылкой из-под воды.

– Да нет же, в игре. А-6, А-7, А-8, А-9... и так далее.

Я кивнула. Юлька осталась верна себе. Однако много же ходов они успели сделать.

– Подключая свои знания в области психологии, – сказал дипломированный по этому делу специалист, – могу с уверенностью сказать: Юлия ходит так, по порядку, начиная сверху, потому что свои основные силы она расположила внизу, на ряде «К». Там ее четырехпалубный и второй трехпалубный, а остальные все расположились неподалеку. Этим она пытается вызвать у противника схожее желание, как бы «напоминая» ему, что есть ряд «А».

Юлька надула губы и порвала свой листок: нет резона продолжать игру, когда половина пляжа слышала, как она расставила свой главный военный фронт. Впрочем, я и без него это знала, и уже лет двенадцать – ровно столько же, сколько мы с ней дружим. Но как *он* догадался?

Димка опять засмеялся – всегда приятно оказаться правым – и в ответ на немые вопросы всех троих, выраженные удивленными и обращенными к нему лицами, заявил, что это его ноу-хау и открывать секреты он не станет. Тогда следующая пара под веселое Димкино: «Вторая смена!» отправилась купаться, а мы продолжили общение.

– Расскажи о себе, – попросил он.

Я покачала головой.

– Вот тут твои преподаватели тебя обманули. Не всем нравится говорить о себе. У меня так подобное предложение лишь вызывает антипатию. Хочешь поболтать – говори о себе или же придумай нейтральную тему, а я с радостью тебя поддержу.

– Ага, попалась! – обрадовался он.

– Ты это о чем?

– Мои преподаватели были гениями. Выходит, что ты кому-то когда-то открылась, но в ответ ничего не получила. Чувства – разочарование, досада, обида. Теперь это уже рефлекс, ты подсознательно ждешь подвоха, когда тобой интересуются, поэтому ни за что не рассказываешь о себе первая.

Я недолго помолчала.

– Хорошо. 2:1 в твою пользу. Ну, так расскажешь о себе?

– Нет, – немного помедлив, ответил он. – Меня тоже один раз предали. Лучше расскажу тебе о друге. Интересно?

– Давай, – быстро согласилась я. Про блондина мне тоже было интересно.

– Мишка – как Чип и Дейл, всегда приходит на помощь. Нас познакомила моя бывшая девушка.

– Ого! – изумилась я. – Что-то вроде отступных?

– Ну да, типа того, – заулыбался Димка. – И еще, он все время меня ругает, когда ему кажется, что меня хотят использовать. Знаешь, я такой безотказный человек, мне всегда сложно сказать «нет», потому у меня очень много друзей, но девять десятых от их количества, как считает Мишка, общаются со мной только с целью что-то поиметь. Друг называет их «фальшивыми» друзьями. Я тоже иногда это вижу, но не могу нагрубить. Тогда Мишка сам берется за дело и гонит их от меня враз!.

– И правильно делает, – одобрила я Михаила, вскрывая пакетик чипсов. – У тебя замечательный друг!

– Да, он тоже так считает, – пошутил собеседник, и я, рассмеявшись, угостила его хрустящими ломтиками. Здесь вернулись ребята. По длинным волосам «замечательного друга» стекали потоки воды, моча камни и полотенца. Интересно, сколько они будут сохнуть? Хотя, конечно, не настолько долго, насколько мои, но я же их вытираю специально для этих целей захваченным полотенцем. А он почему так не делает?

Юлька же отжала свой хвост и улеглась на топчан.

Через некоторое время Дмитрий предложил купить нам мороженое и что-нибудь выпить. Мы благодарным тоном согласились, но удивленно заметили, что они пошли в палатку вдвоем с другом, хотя Димка вызывался один. Было отчетливо видно, как они перешептываются по дороге и хихикают.

– Так, – уверенно сказала я, – они обсуждают нас. Решили, что мы так просто дадимся. Самое время сматывать удочки.

– Не успеем, – боязливо ответила подружка, но я была непреклонна. Наскоро попихала в сумку наши вещи и, решив бросить топчаны здесь, решительно взяла подругу за руку, та поднялась, но тут нас остановил голос:

– Не подскажите, сколько времени?

Мы обернулись: перед нами стояла женщина в черно-белом купальнике. На голом животе красовалось белое прямоугольное пятно (от книги), все остальное тело надолго оккупировал

темно-коричневый загар. Женщина держалась за голову и раскачивала ею, словно та была качелями, на которых сидели ее отпрыски и вопили «быстрее, быстрее».

– Что-то я уснула, да так быстро... Видимо, на солнышке разморило. Так который час?

– Начало второго, – ответила я, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться, все-таки тетя с отпечатанным на долгую память детективом на теле смотрелась комично, а Юлька полюбопытствовала:

– Что у вас с животом?

Тетка опустила взгляд на свое брюхо, а я дернула подружку за руку, и мы побежали, боясь быть окликнутыми возвращающимися ребятами. Но нам повезло, в палатку была очередь, так что никто не помешал лихому дезертирству.

Глава 2

Мы пообедали щавелевыми щами, кстати, очень вкусными, а заодно узнали у бабы Дуси, что в этой части большого города особой популярностью у молодежи нашего возраста пользуются два места – «Сильвестр», бар с игровым залом внутри, и «Токай», обычный клуб. Сегодня мы решили посетить первый и, почитав пару часиков книжки, начали собираться. В предоставленной нам комнате было две кровати, расположенные у противоположных стен, потому мы могли одеваться одновременно, отвернувшись друг от друга. Вообще дом имел две комнаты – во второй жила сама баба Дуся, – а помимо них, кухню, что одной стеной прилегала к нам, и коридор, соединяющий три помещения и имеющий выход во двор. Всего на участке был только один дом, чем мы тоже были обязаны своему везению: никаких тебе соседей, общих кухонь, одного на весь табор сортира... Кстати, туалет находился во дворе, но, несмотря на это, он был вполне чистым, светлым, так как имел окошко в потолке, и, что для меня важнее всего, там не наблюдалось никаких признаков паутины – за этим хозяйка тщательно следила.

Я облачилась в блестящую майку с глубоким декольте спереди и абсолютно голой спиной и джинсовую мини-юбку, Юлька – в короткие шорты и футболку с Микки-Маусом, который являлся ее кумиром, и мы отправились на поиски таинственного «Сильвестра», получив от Евдокии Карловны подробные координаты, содержащие наименование улицы, номер дома и упоминание отличительной приметы – рядом с баром должна быть остановка автобуса.

Как выяснилось впоследствии, эти координаты дались нам зря: улицу Тамерлана никто не знал, зато молоденькие девчонки вызвались проводить нас в бар «Сильвестр», куда и держали путь сами. По дороге мы разговорились и выведали у местных, что Туапсе, оказывается, не такой славный город, как казалось вначале. В темное время суток он становится опасным: банда жестокосердных сирот-малолеток вовсю помышляет грабежами на улицах. Сказать по правде, стало немного страшно.

Помещение этого бара имело шестиугольную форму. Дорогие бархатные шторы закрывали дневной свет, идущий от небольшого размера окошек под потолком, и придавали интерьеру уют и стильность. Две стены были сплошь заставлены разнообразными игровыми автоматами и имели нечто вроде перегородки, которой служила барная стойка, куда мы с подругой и уселись, так как все миниатюрные и комфортные столики зала были заняты.

На удивление, музыка была не оглушающая, что так типично для молодежных питейных заведений, а такой громкости, что мы могли спокойно общаться, не сильно повышая голоса. Правда, танцплощадка была маленькая, но меня сегодня и не тянуло выплясывать на все лады, а Юлька вообще почти никогда не танцует на людях.

Нам захотелось попробовать какой-нибудь слабенький и экзотический коктейльчик.

– Экзотический? Хм... – задумался бармен, услышав наше требование. – Попробуйте «Диану».

Цена напитка зашкаливала, пришлось пить без закуски. Слава богу, что не натошак. Спасибо бабе Дусе! Иначе бы непривычная к алкогольным напиткам Юлька через двадцать минут висела бы на крутящейся лампе светомузыки, что в центре танцпола, и, уподобившись мартышкам, дергала бы ногами в разные стороны, урча что-нибудь нечленораздельное.

– Интересно было бы посмотреть на их лица, когда они обнаружили пропажу того, что уже почти шло им в руки. – Юлька говорила, понятное дело, о наших утренних знакомых.

– Да. Психолог, небось, тут же порвал в клочья свой диплом. Я, говорит, вижу тебя насквозь! Что, съел? – Третью напитка я уже благополучно осушила, потому начала хохотать. Юлька меня поддержала.

Отсмеявшись, мы чокнулись бокалами, выдав пафосный тост «За любовь!», и снова выпили.

Через полчаса из-за крайнего автомата поднялся мужчина и, с надеждой оглядевшись по сторонам, направился к нашей паре. Ну почему все время так? У меня что, на лбу написано «Спросите меня!»? Сейчас я задаюсь вопросом, что бы случилось, не подойди он тогда к нам. Наверно, всех этих сумасводящих приключений, в изобилии посыпавшихся на ниши головы с той знаменательной минуты, мы сумели бы избежать и жили бы грядущую неделю припеваючи. Но рок – он и в Марокко рок. И в Туапсе тоже.

Сказать по правде, я давно заметила этого мужчину. Много игроков на моих глазах менялось возле этих двух стен, так как заядлые «азартоманы» околачиваются больше в казино, а не в обычных барах. Здесь же автоматы стояли лишь для развлечения, для тех, кому надоело пить и танцевать, чтобы отвлечься на что-нибудь иное, новенькое. Но этот же тип сидел здесь с тех самых пор, как мы пришли, или даже раньше, и не вставал со своего места ни разу. Его коричневые волосы торчали в разные стороны, а губы оказались ярко-малинового цвета. Издалека могло почудиться, будто это помада, но это был натуральный цвет его губ, который встречается довольно редко, чаще у цыган. Может быть, что-то эдакое в его крови на грамм и присутствовало, но мужчина все же большей частью своих генов был русским и прожил на свете лет тридцать пять или чуть больше.

– Простите, прекрасная незнакомка, – обратился тип ко мне, – у вас не будет двух десятирублевых монет? В долг, разумеется.

В глазах стояла мольба последнего алкаша, просящего стольничек на опохмел. Ох, не люблю я этих зависимых людей! Водка, кокаин, игральные автоматы – разница небольшая, не находите ли? Просто у людей напрочь отсутствует сила воли. Не знаю, почему я полезла в сумку. Не знаю, почему достала кошелек. И не знаю, почему я выудила оттуда кровные двадцать рублей монетами и дала их мужчине. Обычно я посылаю подальше таких вот просителей. Наверное, судьба и есть судьба, и от нее никуда не денешься.

Коричневоволосый заулыбался и попросил меня на них подуть.

– Это еще зачем? – шокировалась я.

– Вы такая красавица! Вы обязательно принесете мне удачу. – Видя, что я все еще не могу решиться, он добавил: – Ну прошу вас, сжальтесь! – Странно. В этот миг я поняла, что мольба в глазах не имела никакого отношения к форме наркомании. Она относилась к чему-то другому, что я так и не сумела раскусить.

– Ладно. – С хмурым видом я поднесла губы к монетам, уже перекочевавшим в его ладони, взаправду дунула на них и произнесла: – Удачи вам.

– Спасибо.

Тип направился ко все тому же автомату, непонятно чем ему приглянувшись, а я вернулась к подруге.

– На чем мы остановились?

– Как это? – хитро подмигнув, ответила Юлька. – Тост. За все хорошее!

Мы чокнулись, но даже не успели поднести ко рту бокалы с зонтиками: нам помешал громкий гул, исходящий от одного из автоматов. Я подняла глаза: мужчина нервно теребил и без того взлохмаченные коричневые волосы, отказываясь верить в удачу. Он выиграл! Отгудевшая машина через секунду высыпала в предназначенный для этого кармашек все монеты, содержащиеся в ней, полностью себя опустошив. Часть монет перевалилась за бортик кармана и звонко полетела на пол. Сперва растерявшись, мужчина принялся живо пихать свой громоздкий выигрыш в старомодную тряпочную сумку с ручками, предусмотрительно оказавшуюся в кармане брюк. Его соседи завистливо заплодировали и тут же вернулись к игре.

Мужчина еле поднял тяжелую сумку с пола, откуда подбирал последние монеты и подошел к барной стойке, заказав кружку пива. Повернулся к нам.

– Спасибо! Я так и знал, что вы принесете мне удачу! – Тип улыбался так открыто, что были видны не то что все зубы – все пломбы на них. – Позвольте представиться. Кочерга. А вас как звать?

– Кочерга? Что ж, я тогда швабра.

Юлька смущенно хихикнула в ладошку, а мужик загоготал в голос.

– Нет, я правда Кочерга. Меня все так зовут. От фамилии Корчагин, созвучно потому что. По паспорту Алексей.

– Будьте здоровы, Алексей, – подняла я бокал, вспомнив, что мы с подружкой так и не выпили, и сейчас мы исправили эту оплошность.

Алексей одним залпом выдул кружку пива, вернул емкость бармену, развернулся и, чуть сгибаясь под грузом металлического выигрыша, вышел из дверей.

– Ты ему так и не назвалась, – напомнила подружка.

– Что ж, пусть считает, что я Швабра Вениковна, как он выражается, по паспорту, – пожалала я плечами. – Меня волнует другое – он так и не отдал мне долг. А вообще, неплохо бы и поделиться, это ж я дунула! – Я, видать, тоже отвыкла от спиртного, если с одного лишь коктейля до такого додумалась.

Подружка ахнула:

– Точно! Вот жадина! Пойдем догоним!

Кивая, я поставила почти пустой бокал на столешницу и поднялась.

– Сначала расплатитесь, – встрял бармен.

Отдав ему грабежеподобную сумму за всего-то два коктейля, мы выбежали на улицу, надеясь догнать Алексея – не мог же он так далеко учесать за полторы минуты с двумя десятками килограммов в руке, – но произошло ужасное и непредвиденное событие. Конечно, двадцать рублей – это сущий пустяк, но в нашей крови зыграл алкоголь – это версия разума. Душа же твердит об ином – от судьбы не уйдешь.

Бар находился в глубине двора и по случаю позднего часа здесь, на улице, было безлюдно, и, не считая нас, впереди идущего Алексея и подскочившего к нему парня в черной одежде, не было ни души. Последний так быстро и ловко выстрелил Корчагину в живот, что мы не успели даже предупредить Алексея о надвигающейся опасности, а когда мы закричали, было уже поздно.

Преступник обернулся на нас, мы застыли в ужасе, ожидая выстрела и конца наших жизней, но он только взял сумку с выигрышем, которая, успев упасть на землю, часть монет великодушно отдала асфальту, и пустился бежать.

Придя в себя, я подскочила к Алексею, а Юлька бегом вернулась в бар за помощью.

Мужчина был еще жив, и ввиду специфики ранения я могла заверить: умирать он будет долго и мучительно. Я взяла его лицо в свои ладони и приподняла.

– Больно... – прошептал он. – Живот, больно... Я так и не... как вас...

– Не говорите, – посоветовала я. – Уже вызвали «Скорую», они сейчас приедут и заберут вас. И вы поправитесь. – К сожалению, я знала: у него нет шансов выжить. Но я не имела никакого морального права сказать ему сейчас эту правду.

Немного помолчав, видимо, собираясь с силами, он спросил:

– Как вас... зовут?

– Катя.

– Катя... возьмите... – Корчась от боли, Алексей полез в карман и достал оттуда какой-то неровный желтоватый лист бумаги.

– Что это? – Я осторожно опустила его голову и взяла из испачканных его же кровью рук листок. Корчагин тут же приложил вторую руку к окровавленному животу. На лбу его выступили крупные капли пота.

– Отдаю... долг. Это же был... ваш... выигрыш. – Он помолчал, а я продолжала смотреть ему в лицо и почувствовала, как у меня увлажнились глаза. Это ужасно, когда человек только что с тобой разговаривал, пил пиво, шутил, и вот он уже смертельно ранен изуверским преступником, позарившимся на несчастные три тысячи рублей мелочью. – Разверни, – приказал он.

Я повиновалась. Это была половина плана чего-то. Ближе к неровному правому краю листа стоял жирный красный крестик, а внизу приписаны шесть цифр.

– Я не понимаю, – в отчаянии выговорила я. Чего он от меня хочет? Знаю, что должна выполнить волю умирающего, но как это сделать, ежели ничего не понятно? – Это план?

– Да... План... аквапарка этого... города. Там, где крест, зарыт... – Мужчина закашлялся. – Зарыт сейф. То, что там... теперь твое. Цифры – первая часть кода.

Что же это получается? Клад? Ну ничего себе...

– Шесть цифр здесь, – продолжал он говорить тихо, хрипло, тяжело дыша. – Еще шесть... на другой... части. – Его рот выпустил струйку теплой крови. Мужчина начал захлебываться и пытаться выплюнуть ее.

Юля вместе с парочкой мужчин выбежала из здания.

– Мы вызвали «Скорую», – крикнула она по дороге.

Я кивнула ей и вернулась к подстреленному.

– Алексей, я так поняла... есть вторая часть карты?

Он сначала хотел кивнуть, но понял, что затея тщетная, ведь любое телодвижение доставляло дикую боль, и просто моргнул. Двое посетителей бара накинулись на него, как коршуны. Я так поняла, это были единственные врачи в заведении на тот момент. Образцова, конечно, не успела увидеть, как все было запущено, потому привела сюда помощь, но им-то одного взгляда хватило, чтобы убедиться: Алексею уже не помочь. Однако «Скорая» тоже этого пока не знала и спешила сюда на всех парах, оглашая окрестности воем сирены.

Я наклонилась к раненому.

– Алексей, где вторая часть карты?

Мужчины и Юлька недоуменно переглянулись между собой: какая, мол, карта?

Но глаза Корчагина затуманились, и взгляд стал какой-то бессмысленный. Я снова взяла его лицо в руки и направила его взор на себя.

– Нежух... Вниз, третья сту... пень, – проговорил он еле слышно, и дух его покинул.

– Что за ступень? – спросила я его, но бездыханное тело уже не могло мне ответить.

«Скорая» затормозила и высыпала наружу людей в зеленой спецодежде. Двое мужчин из бара отрицательно покачали головами, и те сразу их поняли – один язык. Тогда фельдшеры накрыли тело белой простыней и велели вызывать полицию.

Общение с представителями последней нам не доставило особого удовольствия. Нет, обращались с нами вежливо, но две испуганные подруги – это были, к несчастью, их единственные свидетели, потому весь энтузиазм служители закона направили конкретно на нас. Что ж, мы рассказали в точности по секундам, как это произошло, и дали весьма подробное описание убийцы. На вопрос: «А почему, как вы думаете, киллер не избавился от вас, как от свидетелей?» – мы лишь недоуменно пожали плечами. Это действительно осталось загадкой.

Измученные и голодные, две подруги возвращались домой уже далеко за полночь. Меня всегда поражало, насколько резко темнеет на юге относительно нашей Москвы, за считанные минуты, а главное, что и сами ночи здесь коварно и страшно черны, вокруг ничего не видно – хоть глаз выколи. Не то что у нас дома. Выключишь свет, через небольшое количество времени глаза уже привыкли к темноте, и видишь как кошка. А на улице-то ни за что не упадешь в канализационный люк и не перепутаешь ладонь возлюбленного с лапой дворняги. Здесь же нам приходилось одной рукой держаться друг за друга, другой – за столбы и заборы, ежели таковые

неожиданно появлялись на пути. Хорошо хоть кое-где горели редкие фонари, что помогло нам прочесть таблички на домах и свернуть тем самым на нужную дорогу.

– Катя.

– Что?

– А чего он тебе дал, этот Алексей? – Я набрала в грудь побольше воздуха и выложила подруге весь диалог с умирающим. – Как ты могла, циничная женщина, спрашивать про вторую часть карты у человека, который вот-вот отбросит коньки?

– Ну, – немного смутилась я и все же отразила удар: – Я обязана была выполнить последнюю волю умирающего, хотя это было неприятно и жутко.

– Ну, так и где же она, вторая часть? – с таким живым интересом в голосе спросили меня, что я не удержалась от восклицания:

– Эх, Юлька, Юлька! Сама меня отчитала за черствость, и тут же: «Где карта?» Где, где, в... Нежухе.

– Где? Это что, ругательство?

– Ой, рада бы с тобой поспорить, да не могу. Я и сама не знаю, что это такое. Но ты же сама слышала: «Нежух, вниз, третья ступень». Что же это такое, хотела бы я знать?

– Спросим у кого-нибудь. Ты ведь понимаешь, что мы обязаны выполнить священный долг перед убитым и найти сокровища?

– Конечно, я это понимаю.

Да, мы так говорили, будто собирались искать клад именно потому, что нас об этом попросили, а не потому, что самим не терпелось во что-нибудь влипнуть. Это у нас с подругой в крови, мы частенько встречаем во всякие авантюры, расследования и иные темные делишки. Пару раз мы чуть жизнью не лишились, но это не вправило двум любопытным варварам мозги на место.

– Значит, сейф, – вдумчиво проговорила подруга. – Что может быть в сейфе? Валюта?

– Вполне возможно, – не стала рушить ее мечты. – Либо ценные бумаги.

– А может, золото?

– Да-да, золото-бриллианты! – рассмеялась я, вспомнив бессмертный фильм.

– Стой, ты куда? Вот наш дом.

Мы остановились. Свет фонаря сюда не доходил, но это, несомненно, владение бабы Дуси. Вон она, макушка деревенского туалета, мрачно освещаемая слабым светом луны. Мы потянули на себя калитку, однако она, вопреки нашему предположению, открылась в другом направлении, не на себя, а от себя.

– Странно, – пожалала Юлька плечами.

– Мы, видать, с тобой перепили. Оттого забыли, куда она открывается. Давай же, заходи.

– Нет, ты первая, – взъерепенилась подружка.

– Что за детский сад? Видишь, край крыши погнулся? Это только у нашей старушки во всем городе может быть. Она же слабенькая уже, сама не починит. Идем.

Мы прошли вперед, калитка за нашими спинами скрипнула и захлопнулась. Дойдя до дома, я взялась за ручку – дверь была заперта. Вот блин! Не везет так не везет.

– Кать, давай позовем ее.

– Жалко будить. Она, наверно, забыла, что мы ушли, и заперлась. Что же делать? – Я задумалась. – Юлька, я вспомнила! Мы же окно в комнату не закрыли! Идем.

Мы стали медленно обходить дом, держась за стену. Свернули налево, затем еще раз налево.

– А вот и окно! – обрадовалась Юлька. – Как здорово, что мы его не закрыли! Давай лезь.

Отворив створку пошире, я взгромоздилась на высокий подоконник, свесила ноги уже с другой стороны и спрыгнула. Юлька полезла за мной, и я помогла ей спуститься.

– Темно, блин, – проворчала подружка. – Ты не помнишь, у нас стояла лампа на тумбе?

– Стояла, – твердо ответила я. – Давай нащупаем ее и включим. И говори тише, баба Дуся спит.

Тут же рядом донесся шорох – это Юлька шарила по поверхности тумбочки.

– Вот горе-то.

– Что случилось? – испугалась я.

– Лампа исчезла. Неужели украли? Боже, Катя, у нас же окно весь вечер открытым было. Точно, залез кто-то и стыбзил! Как же мы теперь бабке в глаза посмотрим? Это ж по нашей вине.

– Ладно, не реви, завтра что-нибудь придумаем. Купим ей новую лампу. Раздеться можно и без света. Давай ложись, спокойной ночи.

– Ага.

Мы начала стаскивать с себя одежды и складывать их на пол: стулья, стоявшие раньше возле кроватей, теперь почему-то тоже не желали отыскиваться. Я уже собиралась залезть в постель и даже потянула в сторону одеяло, удивившись на мгновение, а почему постель разобрана, как вдруг...

– А-а-а!! – заорала Юлька, забравшаяся в постель.

– А-а-а!! – вторил подруге высокий мужской голос.

– А-а-а!! – испуганно заверещала я, ведь выходило, что грабитель, стащивший лампу и два стула, решил провести ночь в кровати моей подруги. Жуть!

– А-а-а!! – тут же отозвался кто-то из постели, куда я секунду назад собиралась влезть.

Здесь открылась дверь в комнату, и кто-то щелкнул выключателем.

– А-а-а!! – запищала тетка в бигуди лет пятидесяти, появившаяся в проходе.

– Ого-го! – восхищенно молвил дядька с бородкой, стоявший за спиной тети с ружьем в руке.

Я глянула по сторонам. Образцова лежала в одной постели с пареньком лет пятнадцати, который взирал на нее взглядом барышни, опасющейся сиюминутного посягательства на свою честь. В кровати у другой стены, одеяло с которой я все еще держала в руках, лежал парень идентичной внешности и возраста с первым, короче, двойняшки. Сама Образцова испуганно смотрела на ружье в руках бородатого, пряча неглиже под одеялом, я же так и замерла в нижнем белье посреди комнаты с углом одеяла в руке.

– Я же ежемесячно покупаю вам «Playboy»! – повизгивая, строго выговаривала мамаша нерадивым детишкам. – Какого фига вы притащили домой голых баб?!

– Мы их не звали! – хором заверещали братья. – Они сами пришли!

– Ах, так! Развратные путаны! – теперь гнев родительницы обрушился на нас. – Решили соблазнить моих мальчиков! Выкатывайтесь отсюда! Милый, постреляй им вдогонку!

Милый, оправдывая свое имечко, с очень милым выражением лица мило так направил на нас ствол ружья и еще более мило пропел:

– Дорогая, раз уж они пришли... пусть они нам напоследок потанцуют! Знаешь, путаны так искусно танцуют...

Этого мы уже не могли перенести. С бодрыми криками схватили в охапку наши шмотки и выпрыгнули в окно, чуть не расшибив себе при этом лбы.

– Милый, стреляй! – донеслось грозное из дома. – Иначе они вернуться!

Да уж, в логике карге не откажешь. Если он нас застрелит, мы наверняка не вернемся. Почему-то вспомнилось предупреждение на двери будки спасателей.

Услышав сзади выстрел, мы припустились во все лопатки, выскользнули за калитку, пробежали два дома и уже тут наткнулись действительно на тот дом, куда нас и угораздило вселиться (я имею в виду столь близкое соседство с чокнутым семейством). Дверь была не заперта, мы, все еще раздетые, влетели внутрь, забежали в комнату и включили лампу. Ее мягкий свет продемонстрировал подругам две застеленные кровати, два стула, тумбочку и гар-

дероб, выявивший при тщательном обследовании только наши вещи. Ура! Я вытерла пот со лба, а Юля, поняв, что опасность миновала, позволила себе грохнуться в обморок, как делала довольно часто. Я отволокла ее на кровать, выключила свет, легла сама и тут же, как по мановению волшебной палочки, уснула. Но ненадолго. Через некоторое время в мой сон, в котором я бегала по горам в одежде папуаса и с сумкой, полной золота, в руках (очень приятное было сновидение, между прочим), затесался странного происхождения шорох. Я открыла глаза и напрягла слух. Шорох продолжился. Это был даже не шорох, а какое-то тихое поскуливание.

Почему-то мне стало жутко. Наверное, из-за этих звуков. В них было столько безысходности, столько отчаяния, такая бездна тоски и боли... Самый ужас был в том, что скулили в нашей с Юлькой комнате.

– Юль, – позвала я.

Подруга не отозвалась.

– Юль, это ты стонешь? – громким шепотом спросила ее, но та лишь перевернулась на бок и громче засопела.

Я не поленилась встать, подойти ближе и склониться над ней. Стараясь не дышать, прислушивалась к шуму. Что ж, если кто-то здесь и стонет, явно не моя подруга, это успокаивает.

Я встала посреди комнаты с намерением выяснить направление, в котором следует искать источник тихого и жалостливого звука, но так же внезапно, как и начался, он смолк.

Поняв, что все окончательно затихло и ничто теперь не помешает моему сну, я вернулась в постель, думая про себя, что за день был сегодня, однако случился парадокс: тишина была такой звенящей и напрягающей, что я еще долго ворочалась с боку на бок, напрасно пытаюсь уснуть.

Глава 3

Утром меня толкнула Юлька.

– Вставай. Идем на кухню, баба Дуся сказала, что без Юли она завтрак не подаст. – Образцова хихикнула.

Я улыбнулась и поднялась. Умывшись, пришла на кухню, где меня поджидали горяченькие зажаристые блинчики, только-только испеченные специально для нас. Комнатосъемщицы тут же налетели на завтрак, запивая его чаем. Заваркой служили пакетики дешевой марки, зато кипяток мы наливали прямо из самовара, и это было так приятно по-старинному, по-деревенски, даже как-то по-сказочному, что ли. Настоящий самовар! Отрада для глаз коренных горожанок!

Вообще Туапсе – довольно современный город, но та его часть, куда мы попали, сплошь состояла из собственных участков в три-пять соток, а также закрытых санаториев. Потому для нас оказаться в домике бабы Дуси было словно попасть в деревню или оторванное от цивилизации село.

– Баба Дусь...

– Да, Катенька! – На самом деле, к ней обращалась Юля, если кто еще не понял.

– Вы ведь живете здесь с рождения? Тогда вы должны знать, что такое Не... Не... Как его там, боюсь ругнуться... «Нежоп»?

– Нежух, Катя, Нежух! – поправила я Юльку, глотая усмешку.

– Нежух, говорите, – задумалась хозяйка, шамкая челюстями. – Ежели я, девоньки, не путаю, «Нежух» – это пляж в трех остановках отседова. Но это не простой пляж, а для этих, как же, Господи, их называют-то... ну, тех, что голышом купаются?

– Нудисты? – охнула Юлька и посмотрела на меня печальными глазами. Нудистов она не уважала: они не вписывались в ее картинку идеального мира. И в то же время она понимала, что нам придется с ними столкнуться, либо плакали зарытые под красным крестиком на плане «золото-бриллианты».

Я пожалала плечами. Если петух клонет, придется идти, никуда не денешься.

Переодевшись в купальники и пляжный прикид, мы отправились к морю.

– Будем брать топчаны? – спросила Юлька.

Я вспомнила состояние обгоревшей жертвы вчерашнего опыта с лежаками и ответила:

– Не стоит.

Мы расстелили полотенца прямо на гальку и легли, неудобно ворочаясь в попытках прижать мелкие камушки так, как было бы удобно нашим туловищам.

– Что ты думаешь по поводу нашего Корчагина? – спросила подруга.

Это был разумный вопрос, я думала об этом на самом деле очень много. Первое. Как мне показалось, Алексей не являлся таким уж страстным игроком, как я уже отмечала, такие барданного рода не посещают. К тому же, невзирая на странноватый внешний вид, он производил впечатление не зависимого, а простого адекватного человека. Создавалось впечатление, что он кого-то ждал там. Но ведь он ушел, не встретившись с кем-то и не переговорив с кем-то, а всего-навсего *ушел*. Когда выиграл. Хотя кое с кем ему удалось все же переговорить – со мной. Но не думаю, что я и была причиной его посещения этого заведения. Наше знакомство было случайностью. Почему же он тогда так поспешно ретировался, собрав свой выигрыш? Напрашивается следующий вывод: мужчина не ждал кого-то, а наблюдал за кем-то. Потому и выбрал крайний автомат – это довольно удобная позиция, если хочешь следить за кем-то и не выдавать себя. Он сидел вполоборота и мог при желании держать во внимании половину зала, подключив боковое зрение, и не беспокоиться, что кто-то его засечет. Чудиков, горбатящихся

за игровыми автоматами, люди обыкновенно игнорируют. Но вот случился выигрыш, автомат загудел, и весь зал обратил взоры к нему.

Нет, не сходится. Алексей же сам подошел ко мне и попросил дунуть на удачу. Если он не хотел выигрывать, зачем этот спектакль? И почему тогда он не ушел сразу же после выигрыша, а выпил еще кружку пива? Потому что, если бы ушел сразу, это вызвало бы подозрения, или по иной причине? Боже, какой же странный он человек, какое странное стечение обстоятельств... Я дала ему монеты, я помогла ему выиграть, я же присутствовала при его убийстве, мне же он отдал карту. Или не стечение? Или все подстроено?

Волосы на затылке зашевелились. Во что же нас впутали?!

Эти думы пронеслись в моем мозгу, когда я тщетно пыталась уснуть вчера, и теперь я их озвучила.

– Это действительно странно, – согласилась с вердиктом Юля. – Почему он отдал тебе часть карты?

– Возможно, больше некому, – пожала я плечами и перевернулась на живот. Пусть солнышко теперь прогреет спинку. – Он понимал, что умирает, и не хотел, чтобы сокровища пропали даром.

– Но почему ж он сам ими не завладел? Если он один знал о существовании клада и один знал, где вторая карта?

– Не знаю. Может, он сам и зарыл его? Скажем, для потомков. А тут понял, что детей родить не успел, ну и отдал карту первой встречной – мне!

– Глупости. Стал бы он в таком случае половинку карты с собой таскать. – Образцова вырвала из тетради листок, порвала его пополам и протянула мне. – Сыграем?

– Давай.

Мы расположили корабли.

– Я первая хожу?

– Ходи, только убедительно прошу, не с А-1, договорились? – попросила я.

– По рукам, – легко согласилась подружка и «выстрелила»: – А-2.

– Нет, я так не могу! – в исступлении пробормотала я и отбросила листок.

– А вот и красавцы. Кать, подними глаза! – Я подняла. И впрямь по другой части пляжа разгуливали наши вчерашние знакомые, ища место для посадки. – Ну че, сматываемся?

– Не знаю, мы ведь так и не искупались сегодня.

– Ладно, искупаемся – и бежать, бежать!

Юлька поднялась и первая почала к воде, я же осталась сторожить вещи. Это скучное занятие подсластила удачно взятая с собой книга. Повествование меня сильно захватило, так что я очень удивилась, услышав над головой:

– Что читаем?

– Книгу, – ответила вопрошающему, которым был, ясен пень, Дмитрий.

– Вижу, что не комиксы, – хмыкнул он.

Блондин переминался с ноги на ногу рядышком с ближайшим другом, затем изрек:

– А Юля где?

– Спряталась. Видишь холмик из гальки? Вот тут она и лежит.

– Надо откопать! Вдруг задохнется? – ухмыляясь, посоветовали парни, но я отмахнулась:

– Захочет – сама вылезет.

Тут-то Юлька действительно сама вылезла из воды и направилась к нашей компании. Ребята по-прежнему стояли, загораживая некоторым пляжникам солнце, что, наверное, входило в их привычку, и это им помогло засечь подружку первыми.

– Привет, – поздоровался Михаил с Образцовой. – Вы чего от нас сбежали вчера?

– Вообще-то вы первые ушли, – и, спохватившись, добавила: – Привет.

Только она собиралась лечь, как ее место на полотенце возле меня занял Дмитрий. Юлька фыркнула, а Димка придвинулся ко мне поближе и выдал:

– Слушайте, у вас есть только одна возможность искупить свою вину за вчерашний побег. Мы назначаем вам свидание. Ровно в шесть у кинотеатра «Никулин», хорошо? Это на территории здешнего санатория, он закрытый, но в пропускном бюро у нас есть знакомые. Назовете пароль, и вас пропустят.

Димка действительно был психологом. В начале его монолога я твердо решила, что с первой попытки ему не удастся затащить меня на свидание, придумаю какую-нибудь отговорку. Ведь юг – это место краткосрочных курортных романов, а мы с Юлькой были не из таких одноразовых девушек, которые могут для этих целей пригодиться. Другое дело, пусть увидят, что с нами либо серьезно, либо никак, и сперва подумают, прежде чем соваться куда не просят. Однако последней фразой он порушил все планы. Знал же, сволочь, что игра в шпионов нас заинтересует, и мы уже не откажемся в связи с чистым бабьим любопытством. Пароль... Закрытый санаторий... Табу... Ну, короче, понятно.

– А что за пароль?

– Сталин потерял штаны. Они ответят: мы их и нашли.

Я засмеялась.

– А если не ответят?

– Это будет означать, что вы пришли не к тем воротам, только и всего.

Мы пошептались с Юлькой, и я огласила решение:

– Идет. И не вздумайте опаздывать. А сейчас, простите, нам пора. – Я подхватила оба полотенца разом, стряхнув Димку на гальку, который не ожидал такого резкого действия и не успел подняться, сунула их с упаковкой чипсов в пакет и стала натягивать шорты.

– Кать, ты же не успела искупаться, – напомнила Образцова.

– Ничего, на нудистском пляже искупаюсь.

– Чего-чего? – ошеломленно переспросил Мишка.

– На нудистском? – поразился Димка. – И че, правда будете купаться? Ну, так мы с вами туда пойдем, да, Мих?

– Нет, – твердо ответила я. – Мы любим делать это вдвоем.

Автобусом мы добрались до пляжа «Нежух». Он был опоясан забором с колючей проволокой и имел перед входом стенд следующего содержания: «На территории пляжа *строжайше* запрещено находиться одетыми. При любых признаках одежды на отдыхающих служителями порядка такие нарушители будут немедленно оштрафованы согласно постановлению Администрации города № 81. Штраф 2000 рублей».

Мы пару минут посмеялись, читая сие произведение, затем Юлька спросила:

– А если нас будет двое, они четыре тысячи возьмут?

– Да.

– Тогда операция отменяется. У меня с собой столько нет.

– Да брось ты, это написано для устрашения.

– Давай лучше вернемся сюда ночью, когда никого не будет.

– Думается, ночью этих самых «служителей порядка» будет не меньше, чем днем. Тем более ночью мы не сможем искать наш клад.

– Тсс! – шикнула на меня Образцова, приложив палец ко рту, и прошептала: – Не говори так громко про клад. Мы возьмем фонарики. Или купим прибор ночного видения! А на себя напаялим что-нибудь, что скроет нас от посторонних взглядов, какой-нибудь плащ-невидимку, и...

– Прекращай читать остросюжетную фантастику на сон грядущий, – прервала я пресыщенную пафосом и сиянием в глазах речь подруги и промолвила: – Пошли, у меня есть план.

План мой заключался в обширно растущем кустарнике, бытующем на территории пляжа неподалеку от ворот, за коими мы сейчас и находились. Он должен был стать нашим временным прикрытием.

Сев на корточки, мы миновали ворота и начали к нему продвигаться, трясаясь от страха, что вот-вот кто-нибудь крикнет нам: «Эй, а ну раздевайтесь! Или платите штраф!», но обошлось: несколько человек чуть поодаль, метрах этак в десяти от данного растения, были заняты загоранием и ничуть не обращали внимания на то, что происходит вокруг, поэтому ничто не помешало нам заныкаться за кустарником.

Под натиском любопытства Юлька высунула башку из-за укрытия и напрягла зрение.

– Катька! – увидела она что-то такое, что не могла держать в себе.

– Что там? – спросила я, засовывая подругу обратно в убежище.

– Там одни... мужики! Их пятеро, и они... голые!

Я вздохнула.

– Чего же ты хочешь, это нудистский пляж! Ку-ку, Юля! – Я подула себе за ворот майки.

Ну и час мы выбрали для спецзадания, самое пекло.

– Я знаю, но... они *совсем* голые!

Так, оказывается, моей подруге противопоказано смотреть на голых особей противоположного пола, будем иметь в виду. Эх, лучше бы я одна пошла.

– Да, совсем. Очевидно, люди боятся штрафа.

– Но даже часов на руках нет!

– Ну, наверно, это считается элементом одежды. Все-таки малую часть руки они прикрывают.

– Дурдом... Куда мы попали?

Вопрос был риторическим, потому я промолчала. Через некоторое время неудобного сидения в засаде я заметила, что наблюдаемые отчетливо зашевелились на своих местах.

– Что они собираются делать? – с вопиющим ужасом в голосе спросила меня подруга. Воистину, диких зверей и привидений она боится не так сильно, как голых мужиков. Впрочем, еще сильнее она боится собак, я припоминаю.

– Сейчас узнаем.

Мужики всего лишь полезли в воду, но, вместо того чтобы плавать себе, как нормальные люди, стали бултыхаться и брызгаться на мелководье, словно дети малые. Может, они не умеют плавать? И это настоящая причина их прихода сюда? Стыд?

Поплескавшись в воде, пятерка «смелых» людей вылезла и направилась в противоположную от нас сторону, вроде бы гуляя. Однако, приглядевшись, я сумела различить скромную вывеску «Кафе» наверху небольшого шалашика, сливавшегося цветом с местностью. Как раз на пять человек, самое оно.

– Наш выход, – дернула я подругу, когда они скрылись в шалаше.

Бегом мы добрались до ступенек, ведущих на маленький пляж. Тут нас подкараулил облом – их было всего две.

– Блин! – разозлилась Юлька. – Что же теперь делать? Он что, считать не умел, твой Корчагин?

– Тише. Думай, думай лучше.

– Что конкретно он сказал? Слово в слово!

Я послушно повторила слова убитого:

– Нежух, вниз, третья ступень.

– Вниз? – удивленно переспросила подруга и как-то странно протянула, повернувшись лицом к морю: – Вни-из... Кать, я поняла. Здесь две ступени, так? Но есть и третья. Наверно, она обнажается только при отливе. Но у нас нет времени ждать. Нырём.

Скинув одежду и оставшись в купальниках, мы побежали к морю. Надо же, обычно я довольно медленно захожу в водную массу, но сейчас я просто плюхнулась туда с разбега в порыве ажиотажа, совсем не думая о том, что намочу волосы и смою тушь с ресниц.

На мелководье ступеней не было. Мы нырнули глубже, набрав воздуха в грудь. Я стала ощупывать дно моря, борясь с плотностью собственного тела, которое так и норовило выброститься на поверхность Архимедовой силой. Но через минуту кислород из организма вышел полностью, и я вынырнула.

Картина, представшая пред моими очами, жестоким образом поразила воображение. Пять мужиков стояли на пляже у самой кромки воды с банками пива в руках и внимательно за нами наблюдали. Я так и ахнула. Юлька ошивалась поблизости. Сделав пару шагов в мою сторону, шепнула на ухо:

– И как мы будем выбираться?

– Не знаю. Сколько у тебя в кошельке?

– Пара тысяч. А у тебя?

– А я кошелек вообще не взяла.

– Отлично. Денег хватит только на одну. Значит, вторая из нас сейчас снимает бикини и выходит к милым кавалерам в амплу Афродиты. И я даже знаю, кто это будет, – засмеялась Юля.

– Ага, жди! И вообще, это не смешно!

– Девушки! – крикнули нам мужики, довольные тем, что их однополая компания становится разномастной. – Идите к нам, что вы там застряли! В картишки сыграем!

– Боже, что делать, Катя?! – с ужасом взвыла подруга, прижимая руки к сердцу, словно то вот-вот выпрыгнет из грудной клетки.

– Не знаю. Но денег у нас нет. Значит, нужно их убедить, что мы обнаженные и не подлежим штрафованию. А что, мы по горло в воде, как они оттуда увидят?

– Залезут в море и увидят!

– Да ты же видела, как они у самого берега копошились, словно головастики! Не дойти им до нас, кишка тонка.

– Что, мы до самого вечера так и будем стоять по горло в воде?

Да, вопрос был здравый. И я не знала, что ответить.

– Девушки! – уже требовательнее закричали мужики, не сводя с нас глаз. – Ну разбавьте же нашу компанию! Идите к нам!

– Мы не можем, – громко крикнула я.

– Почему?

– Мы... Мы голые!

– Представьте себе, мы тоже! – ответил самый говорливый, и компания загоготала.

– Вот так влипли, – вздохнула Юлька.

Наши шкуры спасли трое пацанов лет одиннадцати-двенадцати, вбежавших на пляж с голыми торсами, но в шортах.

– Эй, вы че, читать не умеете? – всполошился главарь шайки.

– Мы хотим на голых тетях посмотреть!

– Какие тети? Нет здесь тетя. Марш отсюда!

– Вон они, тети! – гнули свое дети, тыча в нас пальцами. – Мы хотим посмотреть!

Мужик попытался схватить мальчишку за плечо, чтобы вывести с территории, но тот оказался ловким и вывернулся. Завязалась потасовка. Мальчишки бегали по кругу, мужики пытались их догнать и выставить вон. Пару раз это удавалось с одним-двумя из мальчишек, но пока ловили третьего, первые вновь проникали на территорию, и все начиналось заново. Пользуясь возникшей суматохой, мы выплыли на берег, схватили свою одежду и понеслись отсюда со всех ног, слыша вслед:

– Эй, смотри, а девки-то тоже одетые! – и думая про себя, как же часто в последнее время мы сбегали впопыхах, неся одежду в руках, а не на себе. Куда катится этот мир, и мы вместе с ним?

Выйдя за ворота, быстро вытерлись захваченным полотенцем и оделись. Выворачивая из-за угла магазина, мы натолкнулись на отъезжающий автобус и выпрыгнувших из него... Димки и Мишки. Те не успели нас заметить, и Юлька резво полетела обратно, за угол, и спряталась в кусты, не забыв прихватить меня с собой.

– Блин, зачем мы от них прячемся, объясни? Тебе, я вижу, очень приглянулась идея проводить среди зарослей все свободное время! – гневалась я, правда шепотом, так как парни уже сворачивали в нашу сторону, были слышны их голоса.

– Как это – зачем? Мы сказали им, что будем на нудистском пляже, и вот они появились, сечешь?

– Ничего и не секу. Может, они тут завсегда и каждый день приезжают.

Здесь мы вынуждены были умолкнуть, так как парни как раз достигли кустов и, слава богу, прошли мимо, ничего подозрительного не заметив. Позже они прочли стенд, который вначале так нас развеселил, улыбнулись и скрылись за воротами.

– Ну и чего они тогда правила читают? – едко подколола меня подруга. – У них склероз, что ли? – Что ж, здесь я вынуждена была сдаться и кивнуть в знак согласия. – Вот. Значит, они в первый раз. И пришли посмотреть на нас.

– Возможно, только мы-то ушли. На что там осталось смотреть? Если верить твоей теории, они должны выйти оттуда через полминуты.

Полминуты прошло, никто из ворот не вышел.

– Что же это делается? – возмутилась Юлька. – На кого они там смотрят?

– Юль, парни просто отдыхают. И купаются в Черном море, вот и все.

– А давай, – Юлька схватила мою ладонь и взглянула на меня глазами, в которых на сером фоне радужной оболочки бойко заплясали черти, и это меня немного напугало, – давай посмотрим на них! На голых!

– Юля, Юля... На кой они тебе сдались?

– Как это? Во-первых, имеем право. Они ведь тоже хотели посмотреть на нас. Ну не станешь же ты твердить, что это случайность – то, что они приехали сюда, на этот пляж, в тот же день, что и мы! И ведь знали, что мы здесь будем! – Я пожала плечами, однако внутренне была с лучшей подругой согласна. – Во-вторых, мы вроде как собрались с ними встречаться. Так вдруг они... ну... кастраты какие-нибудь? Или гермафродиты?

Я подавилась собственной слюной и закашлялась.

– Юль, я думаю, будь это так, мы бы не видели их здесь! И потом, хоть я и не спец в таких вопросах, но вроде под плавками вырисовывалось что-то совершенно стандартное.

– Вот и удостоверимся! – уперлась Образцова и первая поднялась на ноги.

Я глубоко вздохнула, и мы крадучись потопали на разведку к воротам. Присели и продвинулись чуть вперед.

– Я ничего отсюда не вижу! – посетовала подруга. Мне ничего не оставалось, как предложить ей проследовать аккуратненько к нашему недавнишнему укрытию.

Мы двинулись к кустам на полусогнутых, не забыв повернуть шеи, а вместе с ними и головы в направлении группы людей. Мужчин было уже семь, только две фигуры, странное дело, так и стояли одетые рядом с главарем нудистов и что-то ему объясняли.

– А нам, значит, одетыми нельзя! – недовольно буркнула Юлька, не любившая, когда что-то в мире делается не по справедливости, и тут произошло нечто ну совсем из ряда вон. Голый мужик, что-то рассказывая Димке и Мишке, вдруг встрепенулся и показал пальцем... на нас!

Все семь пар глаз уставились на две странные фигуры, проникшие на территорию на карачках, а сами виновницы отчаянного внимания так и застыли на месте в позе... короче, в той еще позе. У Димки аж челюсть отвалилась, а Мишка озадаченно почесал затылок.

Мизансцена длилась довольно долго, наконец ребята направились к нам, а мы ждали их приближения, все так же сидя на корточках, склонив головы набок и держась за руки.

– Еще можно записаться поиграть в казаки-разбойники, или вы новичков не принимаете? – шутливым тоном спросил нас Дима, глядя сверху вниз.

Смотря на него снизу вверх, я ответила:

– Не понимаю, о чем ты. Мы просто пришли отдохнуть.

– Ага, – недоверчиво свел он брови у переносицы, затем догадался подать мне руку и помочь встать на ноги. Тем же макарон его друг поднял мою подругу.

Здесь к нам подлетел все тот же нудист, чтобы высказать свои претензии:

– Они и в прошлый раз проникли сюда обманом и не заплатили штраф!

Димка вздохнул.

– Сколько с нас?

– За четверых восемь тысяч.

Мы с Юлькой протяжно охнули. Губа у голого мужчины была отнюдь не дура. Ребята скинулись и отдали штраф, после этого, захватив нас к себе под мышки, вынесли вон из этого пошлого места, слушая вдогонку:

– И чтоб ног ваших больше здесь не было, не умеющие сливаться с природой чудаки!

Донеся до остановки, парни поставили дам на ноги.

– Это мы-то чудаки? – возмущалось все мое нутро. – Тоже мне, Адам хренов выискался! Сливаться с природой, сливаться с природой, – гнусавым голосом передразнила я, выпуская пар. – Шизики голые!

– Ну все, все! Разбушевалась! – посмеявшись, утихомирил меня Димка и сменил тему: – И все-таки, что вы там делали?

Мы с подругой переглянулись, и я повторила первоначальную версию:

– Отдыхали. Видишь ли, на нашем пляже слишком много народа, а нам хотелось спокойствия, тишины, слияния с природой опять же!

– Нет, ты не поняла. Что вы там делали *на самом деле*?

Я прикусила язык, а Юлька бросилась в атаку:

– Могу задать встречный вопрос: что *вы* там делали?

Димка глубоко вздохнул, а Мишка смущенно объяснил:

– Вы сами сказали, что пойдете сюда. Ну, мы и решили составить вам компанию. Мало ли, что здесь за народ? Вдруг приставать начнут, мы и вступимся! Зашли – вас нет. Мы и обратились к мужикам, не видели ли таких-то.

Димка шутливо добавил:

– А то вдруг вас уже похитили и переправили через море в гарем к султану!

Девушки хохотнули, удовлетворившись этим разъяснением (а кому не понравится знакомство с рыцарями, готовыми сиюминутно броситься на защиту вашей чести?), тут подъехал автобус, четверка загрузилась в него и вышла уже через семь минут неподалеку от дома бабы Дуси. Только мы хотели попрощаться, как новоявленные рыцари заявили, что, оказывается, доведут нас до самых дверей и сдадут на руки бабке-смотрительнице, а то как бы с нами опять чего не приключилось. Потому-то и вышли на этой же остановке. Наше сопротивление этим действиям было сломлено на корню. Пришлось уступить.

Открыв калитку, мы напоролись на бабку, пропалывающую грядки.

– Катя! – разогнувшись, воскликнула она. – Где твоя заколка?

Юля машинально притронулась руками к своей прическе. Ее волосы были распущены. И как я раньше не заметила? Похоже, она обронила заколку, еще когда мы спешно раздевались на пляже и лезли в воду. Одежду-то она потом взяла, а вот про заколку, наверно, забыла.

Юлька обернулась ко мне.

– Юль, не помнишь, с какого времени у меня ее нет?

Я напрягла память, отметив, однако, как вытянулись у наших провожатых лица. Чем они так удивлены?

– Кать, по-моему, когда мы в первый раз ретировались с пляжа, твои волосы уже были распущены. Помнишь, как ты их полотенцем наскоро вытирала?

– Ах, да! – Образцова закивала котелком. – Юля, ты права. Заколка осталась на пляже, возле кромки воды.

Димка откашлялся, чтобы мы переключили внимание на него, и произнес, как мне тогда показалось, очень странную вещь. Я даже решила сперва, что он не в себе. Так вот, глядя мне в глаза, он спросил:

– Прости, как тебя все-таки зовут?

Я изумленно заморгала и изрекла:

– Уважаемый Дмитрий, психолог и пловец, по-моему, мы знакомы, вам так не кажется?

– Да, я тоже так сначала думал. А теперь совершенно запутался. Может, у меня не все в порядке с рассудком? – последний вопрос он адресовал другу, который стоял, также изогнув брови, и отрицательно покачал головой в ответ.

– Либо ты в порядке, либо я тоже чокнулся. Так кто же из вас Катя, а кто Юля?

Вот тут-то до нас дошло. Видите ли, мы настолько вошли в роль, что, переступая порог калитки, словно нажимаем какой-то невидимый рычаг, и Юля начинает называть меня Юлей, а я ее – Катей. У нас это происходит машинально, словно так и нужно, потому мы не сразу поняли, что же насторожило наших знакомых.

Да, мы-то поняли, только попробуйте объяснить это бабке!

Сама она времени даром не теряла, подошла к нам вплотную (я уже говорила, что баба Дуся подслеповата на один глаз) и, ткнув пальцем в Юльку, уверенно произнесла:

– Вот это Катенька. А это Юлечка, – показали на меня.

По выражению лиц парней можно было смело констатировать, что их шарики закатились за их же ролики. Отказавшись от предложенных бабкой Евдокией пирогов, они наскоро попрощались и, напомнив о том, что, какие бы имена мы ни имели (так и сказали), они все равно ждут нас ровно в шесть у «Никулина», выбежали вон с загадочного участка.

Глава 4

– Кать, мне нужна заколка.

Мы собрались раньше положенного срока и теперь, одетые, причесанные и слегка накрашенные, сидели на своих кроватях. Еще одна странность в нашем поведении: стоит переступить порог своей комнаты, как мы снова начинаем величать друг друга так, как девятнадцать лет назад называли нас родители. Наверно, потому, что здесь мы чувствовали себя в безопасности и знали, что бабе Дусе не приспичит подслушивать разговор через дверь и поправлять.

– Заколи другой, – предложила я трезвое решение.

– Я не брала с собой другую. Мне нужна именно та!

– Почему ты не можешь оставить волосы распущенными? – пристала я к подруге.

– Мне так некомфортно. Да и вообще, сегодня оставлю. Так уж и быть, свидание. Но в остальные-то дни!

Я глянула на часы.

– Сейчас все равно не успеем. Автобусы вечерами ходят редко, так что... Давай быстро с ними закружимся и тогда отправимся снова на этот треклятый пляж, идет?

– Идет. Кать, – сменила она тему на более увлекательную, – как ты думаешь, почему мы не нашли карту?

Этот вопрос меня тоже мучил, но из-за навязавшихся спутников не было времени как следует поразмышлять над этим. Я полезла под подушку, где спрятала таинственный прощальный презент Алексея, достала и разложила на покрывале. Юлька тут же переметнулась со своей кровати на противоположную, сев за меня и положив подбородок на мое плечо, чтобы было лучше видно.

Я стала водить пальцем по карте, изучая ее. Правый край был неровно оборван, остальные три линии отреза были прямыми. Это говорило о том, что мы располагаем левой частью карты. Крестик имелся на нашей половинке, это как-то ободряло и успокаивало одновременно, иначе бы у нас возникли логичные сомнения относительно реальности сокровищ. Но здесь-то мы четко видели две пересекающиеся красные черточки, говорящие о том, что клад есть. И зарыт он почти посередине этого аквапарка, план которого и представляла карта, прямо вблизи сооружения под названием «Крокодиловы горы» – оно, как и другие наименования на карте, было написано черным печатным шрифтом. Всего пунктов на нашей части карты было восемь – что и говорить, аквапарк был немаленьким. Немного омрачали впечатление жуткие кровавые пятна в некоторых местах – последние отпечатки пальцев Алексея Корчагина, оставленные за минуту до болезненной кончины.

– Хотелось бы отведать этих «Крокодиловых гор», – мечтательно изрекла подружка, не убирая подбородка с моего плеча. – Я в своей жизни была лишь единожды в подобном месте развлечений, только это был мини-парк, потому как горок было всего две – прямая и извилистая. А здесь, судя по плану, чего только нет.

Вдруг меня поразила одна мысль. Она была такая очевидная, такая заурядная, что я просто потеряла на время дар речи, удивляясь, как мы раньше не наткнулись на нее.

– Юль, подумай и объясни мне кое-что. Как такое возможно, чтобы посреди бела дня человек с сейфом наперевес и лопатой под мышкой отстоял три часа громадную очередь перед кассой, зашел на территорию и стал с наглым видом копать яму, а потом, положив туда так называемый клад, забрасывать ее землей? Как это можно проделать на глазах у сотни людей, под носом у охраны?

Юлька задумалась. Но только на пару секунд, затем она твердо выдала:

– Я не согласна насчет того, что он делал это днем. Не чокнутый ведь этот пират Карибского моря? Думается, свой клад он зарывал ночью.

– Но по ночам аквапарк закрыт! Даже если он не побоялся ночных сторожей, как он умудрился перекинуть через ограду тяжеленный металлический сейф?! Это чисто физически невозможно!

– Ну, может, у него знакомые имеются в будке сторожа. Эти знакомые открыли ему главный вход, помогли затащить поклажу и закопать.

– Я не знаю законов, но, по-моему, это подсудное дело. Ведь аквапарк – это частное владение, там нельзя ничего копать без ведома хозяина. Даже если они ничего не побоялись, то должны же были получить какое-то вознаграждение? Представь, что к тебе подходит один твой знакомый и просит помочь закопать поглубже клад! Сразу возникает мысль: есть клад – так поделись! – Я чуть помолчала, подумала и завершила свою собственную мысль: – Значит, он нехило заплатил этим знакомым, сподвигнув их на сие мероприятие. Думается, нелишним будет сходить на разведку в этот аквапарк, приглядеться к охране, сторожам и работникам, короче, сориентироваться на местности.

– Меня волнует другой вопрос. – Юлька пересела обратно к себе и стала теребить покрывало. – Где нам искать эту долбаную карту? Ты, конечно, правильно говоришь, перед тем, как соваться с лопатой в этот комплекс, нужен мудрый план действий. Но на данный момент это задача второстепенная. Мы же все равно не откажемся от этой затеи? Значит, сперва нужно отыскать правую часть плана аквапарка с остальными цифрами кода, а тогда уже начнем думать, как же претворить это все в жизнь – достать сейф из недр земли. Давай будем исходить из того, что Корчагин был в трезвом уме и твердой памяти, когда рассказывал тебе про клад. Почему? Потому что в ином случае нам ничего не остается, как сжечь эту половинку карты и навсегда забыть о ней, ведь он просто-напросто мог все это выдумать. Так вот, допустим, вторая часть карты и сами сокровища на самом деле существуют. Что же это за третья ступень? Спуск на пляж «Нежух» имеет только две ступени, мы обе в этом сегодня удостоверились. Дальше – в воде тоже ступеней никаких нет. Что это означает?

– Ищем не там, – вздохнула я, поняв ход мыслей подружки.

– К сожалению, я того же мнения. Значит, тот «Нежух», о котором говорил покойный, это что-то другое. Вот это задача для нас пока номер один. Задача номер два – это, поняв, что имелось в виду под словом «Нежух», найти эту третью ступень и достать карту. А уже третья задача – пути проникновения на территорию аквапарка в ночное время. Либо придется нарушить закон и, подобно спайдермэну, перемахнуть через забор, либо подружиться со сторожами.

– Нежух, – пробормотала я. – Надо купить в киоске карту города и пригородов со всеми названиями и досконально ее изучить. Вот тебе задача номер один. – Посмотрела на часы. – Ладно, пошли. Не хочу, чтобы они нас долго ждали и мы ощущали себя виноватыми. Тогда мы не сможем отстоять право быстрого ухода домой, так как будем им обязаны.

– Ничего и не обязаны, – отмахнулась подружка, которая, к слову сказать, никогда никуда не опаздывала. – Дамы должны опаздывать и уходить тогда, когда им вздумается. Именно ты меня этому научила. Пошли.

Забор, ограждающий санаторий от посторонних глаз, начинался прямо через три дома от места, где мы обитали, но пропускной пункт находился намного дальше, пришлось идти пешком минут пятнадцать. За это время я решила рассказать Юльке о странном шорохе минувшей ночью. Она и бровью не повела:

– Почудилось. Я тоже боюсь темноты, особенно когда одна. Такие тени мерещатся, ух!

– Но я не боюсь темноты! Я уже выросла из этого возраста, и ты, кстати, тоже. – Образцова насупилась. – Я серьезно! Ладно, не бери в голову. Может, это радио забыли выключить в кухне. Или мыши шуршали.

– Обожаю мышей! – подскочила Юлька. Да, я вспоминаю, что и котят тоже, и цыплят, и утят, и черепахек, и змей, и ящериц, а особенной любовью пользуются у подружки еноты.

Доказательство тому – мордашка этого милого хищника на сегодняшней Юлькиной хлопковой майке. – А давай будем их ночью ловить! И подкармливать! – Я аж рот открыла от этой фразы. Да, подруга умеет эпатировать. Кстати, вот вам еще одно доказательство любви к мышам – излюбленная футболка с Микки. Я еле отговорила Образцову надеть ее сегодня, настояв на том, что ладно уж для бара, но для свидания это слишком по-детски. И вот чем она мне отплатила – енотом.

– Как ты себе это представляешь? Чем ты их ловить будешь, неводом? Удочкой? Голыми руками? И вообще, я не люблю мышей.

– Как это?!

Я лишь отмахнулась. Через полминуты мы пришли на место и остановились.

– Пропуск! – пробасила тетка размера этак пятьдесят восьмого, с громадной родинкой на щеке, бородавками на подбородке и сигарой в желтых зубах. Мы так и подпрыгнули, не ожидая, что у Димки имеются в наличии такие вот знакомые. Я, вообще-то, больше ожидала увидеть молодых, веселых, задиристых ребят в серовой форме охранников. Они бы играючи козырнули нам, предлагая начать беседу первыми, а мы бы, улыбаясь во весь рот, флиртом тоном сообщили им первую фразу пароля. А услышав от них вторую, спокойно прошли бы мимо, направившись к месту встречи. А тут вот что сидит.

От неожиданности я чуть не забыла слова пароля, а вспомнив, стала немножко заикаться:

– Стал-лин пот-терял... э-э... штаны.

Всего полчаса назад в санатории произошла одна интересная история, о которой мы в том момент, на нашу голову, не знали, но, забегаая вперед, расскажу ее сейчас. Директор санатория носит самую ассоциированную с тоталитаризмом и репрессиями фамилию на свете – Сталин (только в его случае это не псевдоним). И небольшой промежуток времени назад он действительно потерял штаны, точнее брюки. Так как мужчиной Сталин является очень-очень крупным, то и брюки ему приходится носить на резиночке и подтяжках, иначе они невероятно быстрым образом сползают с пуза и теряются где-то в районе коленок. Вот как произошло это знаменательное событие. На первом этаже здания случилось небольшое возгорание. Рядом висел огнетушитель, так что пламя быстро погасили, едва оно зародилось, но случилось так, что директор как раз в ту секунду спускался по лестнице и стал свидетелем зародившегося пламени. Он очень дорожил своим санаторием и сильнее всего боялся именно пожара внутри своего детища, поэтому со всей пылкостью и резвостью первым бросился тушить огонь. Однако перетруился: в связи с неумной прытью подтяжки свалились с плеч, а резинка на брюках лопнула, и портки по дороге к стеклу с огнетушителем успели кануть в чудную реку под названием Лета. Так как Лета, кто не знает, – это река забвения, то нелишнем будет сказать, что брюки в поднявшейся суматохе просто забылись. А затем испарились, потерялись, исчезли, пропали, улетучились – и прочие синонимы. Все сбежавшиеся на место происшествия могли, ничуть не стесняясь, лицезреть рубашку и пиджак директора поверх семейных трусов в серую полосочку. Директор тут же всех разогнал и на поиск одежды вызвал в подмогу ребят с пропускного бюро, тех самых веселых парней в заливчатски сдвинутых набок кепках, которые и водили дружбу с Димкой, а вместо них посадил на пост своего зама. Конечно, можно было и зама попросить поспособствовать в поисках, но она все-таки женщина («какая-никакая», думал в этом месте про зама директор), и перед ней как-то неудобно, а вот на воротах сидеть ей в самый раз: все непрошеные гости вмиг перепугаются и разбегутся кто куда.

Логика у Сталина была, конечно, верная, но он не знал таких людей, как мы с Юлькой! Разумеется, зам была в курсе дела о пропавших брюках, как босс ни старался, такие забавные казусы успевают разлететься по территории за мгновение. Но она никак не могла въехать, откуда две девчонки с улицы могут знать про штаны начальника?!

В связи с этим, услышав «Сталин потерял штаны», она решила с любопытными девицами не церемониться. Видите ли, хотят удостовериться, так ли это было! Какое им дело? Собрав всю грозность и суровость на язык, она выплеснула их на нас:

– И что с того?!

Мы растерялись. Юлька, решив, что тетя просто забыла вторую часть пароля, подсказала:

– Как? «Мы их и нашли». Вспоминаете?

– Кого нашли?! – У бабы на лоб полезли глаза.

– Штаны! Шта-ны! Вы что, забыли?

– О чем?

– О штанах! Шта-нах!

Замдиректора выронила сигару изо рта и моргнула пару раз зенками. Что они хотят этим сказать, эти девушки? Что они нашли штаны Сталина? Но как? Где? Этого не может быть! Да нет, они так и сказали: «Мы их и нашли». Не доверяя своей памяти, замдир решила произнести услышанную фразу вслух, чтобы помочь извилинам встать на место:

– Мы их и нашли...

– Ну наконец-то! – обрадовались мы с Юлькой, услышав долгожданный пароль, хоть и прозвучал он неуверенным, сомневающимся тоном, и твердой походкой вошли в зону закрытого санатория.

Красота была неопиcуемая! Газон, деревья, кустарники – вся растительность была аккуратно подстрижена заботливым и исполнительным садовником, а цветы в клумбах были редкостной красоты и всех цветов спектра, оправдывая свое, в общем-то, название – «цветы». Здания не теснились вплотную друг к другу, а, наоборот, располагались таким образом, чтобы не портить впечатление от тщательно озелененной местности, они были окрашены в кремовый цвет, и это казалось чертовски правильным: если бы строения были белоснежно-белыми, то это было бы слишком ярко и отвлекало на себя внимание, и каждая грязь на стенах бросалась бы в глаза, портя первоначальное хорошее впечатление; другое дело, что кремовый цвет не имеет этих недостатков, он к тому же ненавязчив и хорошо гармонирует с садом. Через каждые двадцать шагов в трех метрах от аккуратно выложенной камнем тропинки попадались качели, железные прутья которых были окрашены в зеленый цвет, а длинное, на две персоны, деревянное сиденье – в тот же желтовато-белый, что и здания. Так что всего через несколько минут две подруги поняли, что руководитель санатория был гением. Это явствовало из того, насколько тщательно он следит за своим детищем, насколько его обожает и как сильно в этом человеке развиты вкус и чувство стиля. Однако нам было тогда невдомек, что скоро с этим самым руководителем у нас состоится очное знакомство в довольно комичной ситуации.

Немного поплутав между сооружениями, читая названия: «столовая», «концертный зал», «жилой корпус номер один», «жилой корпус номер два», «бассейн», «административный корпус» и иное, – мы наткнулись на кинотеатр «Никулин» и маячившие возле входа две знакомые фигуры и дружно поздоровались, забыв о том, что за один сегодняшний день это уже ни много ни мало третья встреча.

– Возникла маленькая проблема, – сообщил Димка. – Сегодня премьера, осталось лишь два билета. Мы их купили, и теперь не знаем, что и делать.

– Как что делать? – язвительно парировала я. – Вы идете в кино, а мы с Юлей – домой.

Образцова ткнула меня локтем в бок, дескать, не будь такой стервой. Мишка уставился на друга. Тот слегка покраснел, затем предложил:

– Давайте поделимся. Не все же нам вчетвером ходить, правда? Уступаю свой билет Юлии, идите вдвоем в кино, а Катеньку я приглашаю на прогулку по вечернему Туапсе. Если ее, конечно, так зовут, – прибавил он смущенно.

Мы переглянулись с Юлькой и решили все им рассказать. А то у бабки склероз, а мы, значит, страдай. Нас уже, по-моему, с ее легкой руки стали подозревать в психическом рас-

стройстве, не иначе. Ребята среагировали бурно: начали хохотать, держась за животики. И как только не стыдно потешаться над старыми, больными людьми! Я имею в виду не нас с подружкой, конечно, а бабу Дусю.

Отсмеявшись, Мишка внес новое предложение:

– А давайте все вместе прогуляемся. Плевать на билеты, зато наша прекрасная компания не порушится.

– Так не пойдет, – возмутилась Юлька, которая очень бережливо относилась к чужим деньгам. Со своими она тоже всегда обращалась экономно, но что касалось чужих – вообще впадала в крайность. – Как можно выбросить на ветер целых два билета? Это кощунство.

– Хорошо, – сконфуженно произнес оппонент, почувствовав себя виноватым перед Юлькой. – Тогда вы с Катей идите, а мы с Димом подождем вас здесь, на свежем воздухе.

– Вы будете ждать нас два часа?! – Образцова и к чужому личному времени также относилась с трепетом.

– Миха, – Димка откашлялся, как часто делал, когда хотел привлечь к себе внимание. – Можно тебя на пару слов?

Они ушли в сторону, а подружка, пользуясь случаем, решила со мной пошептаться.

– Как он тебе?

– Димка? Ты знаешь, если честно, то чем дальше, тем лучше. Однако влюбляться я пока не собираюсь.

– Ой, ты так говоришь, будто можешь контролировать это чувство!

– С некоторых пор я действительно это могу.

Образцова умолкла, задумчиво поводила бровями туда-сюда и выдала:

– Женька?

Мне ничего не оставалось, как кивнуть. Евгений Логинов был любовью всей моей жизни уже долгих три года, однако вот уже почти два года минуло с тех пор, как мы с ним, так и не начав толком встречаться, расстались. Дело было давнее, не хочу вспоминать, но в последнее время Женька, ранее стоявший в стороне, в конце этого учебного года начал делать шаги к сближению. Юг – это способ от него сбежать. Пару раз он звонил мне на мобильный, но я не ответила, хотя до сих пор его люблю. Вот такая я нелогичная. Тут нужно было что-то решать, или вернуться к Логинову, или окончательно выбросить его из своих мозгов и своего сердца: пока он там, личной жизни у меня никогда не будет. Его образ просто не позволяет мне это, встает между мной и появившимся на горизонте мужчиной и не оставляет ни малейших шансов на возникновение новой любви. Вот что я имела в виду, говоря, что умею контролировать «влюбляемость». Только контролирую-то, в общем-то, не я, а призрак Женьки. Зато есть плюс – я не опасюсь потерять голову, познакомившись с мужчиной, а вот подруга этим похвастать не может. Что она и доказала следующей репликой:

– А мне все больше нравится Миша. Сперва он показался мне крайне заурядной и узколобой личностью, но последующие впечатления оказались куда лучше. По-моему, в этого человека я смогу влюбиться. Вдруг он именно тот, кто мне нужен, та самая пресловутая вторая половинка, как думаешь?

Пришлось ответить честно, она имела на это право:

– Юль, не забивай особо голову. Здесь курорт, понимаешь? Вряд ли выйдет что-то серьезное.

Образцова кивнула, но, как мне показалось, обиделась. Что ж, я хотела как лучше. Должна же я уберечь закадычную подругу от возможной ошибки.

Здесь вернулись ребята. Не знаю, как Димке удалось убедить друга, но Михаил безропотно взял у того второй билет и, предоставив Юльке локоть, за который та не преминула ухватиться, увел в кинозал. А мы для начала отправились гулять по санаторию и углядели качели. Первое время Димка медленно раскачивал свою даму, а она чувствовала себя королевой –

одна посреди большого светлого сиденья! – а потом, когда качели набрали должную высоту, внезапно вспомнила детство. Точно так же ветер мотал в разные стороны длинные волосы, точно так же в животе что-то приятно щекотало при движениях качелей вперед и вверх, назад и вниз, точно так же подол короткого облегающего тело сарафана норовил задраться, и приходилось держать его руками. Правда, в детстве я носила платья подлиннее, но подол всегда был пышным, потому все равно приходилось его держать, чтобы не улетел.

Когда Димка устал раскачивать и качели сбавили высоту, я, потеснившись, предложила:
– Садись.

Он остановил качели и сел рядышком.

– Ну как, не возникло проблем с проходом в санаторий? – осведомился с интересом в голосе.

– Нет. Хотя... Эта твоя тетка такая странная!

– Что? Какая еще тетка? – Я описала ему его же знакомую, а он уверенно покачал головой и описал мне своих настоящих товарищей, должных неотлучно находиться на месте, на воротах. Тут уж покачала я, так как их не видела. – Странно... Что это за женщина там? С сигарой, говоришь? – Я подтвердила. – С настоящей сигарой? – Я снова кивнула. – Непонятно. Если их кто-то подменил, они что, рассказали ей пароль? Но это тайна, их могут уволить за это!

– Знаешь, она сначала сильно удивилась, услышав про штаны. Но потом ответила вторую часть пароля, и мы прошли. Загадка.

Загадка разрешилась через пару минут, когда мы, поднявшись с сиденья, собрались пойти прогуляться на пляж, который находился чуть-чуть дальше, чем от дома бабы Дуси, но все равно близко, и уже сделали один шаг вперед, но замерли, потому что нам навстречу, страшно сказать, бежал господин в трусах, в пиджаке, из-под которого выглядывали рубашка и галстук, в носках и ботинках. То есть странности в нем были две – эти самые семейные трусы, которые ну никак не вязались с импозантным, представительным видом их обладателя, и то, что мужчина бежал именно к нам, такой красный и запыхавшийся. Возле него, к слову добавить, чуть поотстав, вышагивала та самая тетка обширных габаритов, держа в желтых зубах константный атрибут внешности – сигару.

Мужчина затормозил возле меня.

– В чем дело? – спросил его Димка.

– Где они? Как вы их нашли?

– Кто? Кого нашли? – зачарованные происходящим, переспросили мы.

– Брюки! Брюки!

Дмитрий посмотрел на свои летние льняные брюки, немного смятые вследствие недавнего сидения на качелях, и пожал плечами.

– Как и все, на рынке.

– На каком рынке?

– Ах! – Тетка выронила сигару изо рта (сколько же штук в день уходит, если по каждому поводу их ронять?) и прижала толстые, тоже бородавчатые руки к необъятной грудной клетке. – Их уже продали! Вот что народ делает, а? Это все эти, из пропускной будки! Они у вас их из-под носа увели!

– Что вы говорите такое? – набросился дядя на сигарную любительницу. – Кому взбретет в голову продавать мои брюки? И вообще, те, что на молодом человеке, это не мой размер, мои были на подтяжках, с лопнувшей резинкой. Молодые люди, – обратился он уже к нам, – прошу вас, верните мне мои брюки, те, что вы нашли на первом этаже административного корпуса. За вознаграждение, разумеется.

– Да с чего вы взяли, что у меня есть ваши брюки?! – шокированно выкрикнул Димка, начиная терять терпение. Чего они от него хотят вообще?

– Она сказала! – ткнули в меня пальцем.

Такого изумленного лица у Дмитрия ни до, ни после я больше не лицезрела ни разу.

– *Ты сказала этим гражданам, что у меня есть их брюки?! –* делая ударение на каждом слове, спросил он меня, судя по тону, сам не веря в то, что говорит. – Зачем?!

– Не говорила я про ИХ брюки! Я говорила про брюки Сталина!

– Я, я Сталин! – сказал мужчина в трусах и стукнул себя кулаком в грудь для пущей убедительности.

– Блин, вот влипли, – пробормотала я и прислонила ладонь к щеке. Та горела огнем.

Выходит, что пароль относился не к знаменитому генсеку, а к директору санатория, и был не чисто образным, а конкретным – саркастические товарищи Дмитрия знали, что когда-нибудь их начальник свои брюки точно потеряет.

– Идем отсюда, – рыкнул Димка, взял меня за руку и вывел с территории, а бедный Сталин так и смотрел нам вслед беспомощным взглядом со слезами в уголках очей, понимая, что штаны свои уже никогда не увидит.

Глава 5

Пляж был практически пуст. Только с одной стороны три влюбленные парочки (две молодые и одна пожилая) сидели на полотенцах обнявшись и смотрели на бесконечную гладь спокойного моря. Солнце близилось к закату, но было еще достаточно светло. Мы ходили вдоль берега с безлюдной стороны и кидали камушки в воду – кто дальше, при этом рассказывая друг другу о своих семьях, об интересах, о хобби. В игре побеждал, конечно, Дмитрий, но я не так сильно от него отставала.

– Ей, ты пересекаешь черту! – возмутился моей нечестной игрой спутник, сменив тему. – Ты кидаешь с более близкого расстояния, так не положено. Бросок нужно производить вот отсюда. – Он провел носком летней кожаной в дырочку туфли линию по гальке, но четкой ее сделать было нельзя, это же не песок.

– Перестань, я дама, ты обязан предоставить мне фору!

– Вот еще, – усмехнулся он, но больше не следил, с какого места я кидаю. Через некоторое время предложил: – Ты не голодна? А то здесь с той стороны пирса кафе открыли под навесом. Пойдем, я угощаю.

– Отлично. – Я отряхнула ладони, и мы отправились на высокий каменный пирс. С пляжа на него вела лестница, тоже каменная, а с другой стороны она спускалась как раз к подножию нового кафе. Там галька была несравнимо крупнее, приближаясь габаритами к булыжникам, потому никому не приходило в голову купаться в этом месте, зато умные предприниматели нашли иной способ использования участка. Дальше уходила вверх гора, богатая растительностью, одно дерево очень красиво изогнулось в сторону кафе и склонило туда же свои ветви, точно оно преклонялось перед теми, кто собирался там трапезничать.

В отличие от пляжа, на краю пирса жизнь, наоборот, кипела. Десяток рыбаков, точно муравьи, все время меняли место дислокации, сновали туда-сюда, спрашивая друг у друга, с какой стороны пирса лучше ловится, и громко радуясь пойманной рыбе, как своей, так и соседа. Чуть не доходя до рыбачьей площадки, мы свернули на противоположную лестницу, ведущую к закусочной, и стали спускаться, но, вместо того чтобы глядеть под ноги, я с любопытством уставилась на кафе. Бело-зеленый куполообразный тряпичный навес целиком скрывал то, что внутри, имелись только маленькие окошки из плотного прозрачного целлофана, указывающие на то, что пара человек в заведении сидит точно. Однако меня не так интересовало то, что внутри, как то, что было снаружи. На бело-зеленом фоне гордыми золотистыми буквами были нарисованы два слова: «кафе «Нежух».

От негаданности я оступилась, но Димка не дал мне упасть, ухватив за талию.

– Новое, говоришь, кафе? – с подозрением спросила я.

– Ну, не знаю, неделю назад точно не было.

– За неделю он мог вполне успеть, – сказала я сама себе негромко, но он услышал:

– Кто? О чем ты? И смотри под ноги, здесь же ступеньки.

– Что ты сказал?! – заорала я на весь город. Рыбаки бросили удочки и уставились на нас с недоумением. – Ступени? Третья ступень!

Сейчас Димка удивился почти так же, как и в санатории, но все же чуть слабее, наверное, выработался иммунитет к бабьим закидонам.

– Какая еще ступень? – спросил тихо, видать, устал уже ото всех этих загадок. Брюки, ступени...

Не отвечая на поставленный вопрос и не обращая ни на кого внимания, я встала на третью снизу ступень, наклонилась, а после и вовсе на нее села. Она была немного неоднородная и кривая, впрочем, так же, как и все остальные каменные ступени на этой лестнице, то есть ничем не отличалась, и это было плохо. Ужасно плохо. Может, я чего-то не вижу?

– Она такая же? – спросила я Димку, не отрывая взора от ступени, на которой сидела.
– Что? Я не понял... Ты что, совсем?
– Я не совсем. Ты ответь, эта ступенька такая же, как и другие?
– Боже! – воскликнул он, но послушно осмотрелся, стоя посреди лестницы. Сзади себя, потом спереди. – Да. Вроде бы. Да, такая же. Ты объяснишь, наконец?
– После. А сейчас найди мне что-нибудь металлическое.

Димка пошарил по карманам.

– У меня ключ есть. От квартиры, которую мы с Михой снимаем. Подойдет?
– Давай! – скомандовала я, а получив заветный маленький металлический предмет, принялась с усердием простукивать несчастную ступеньку, как будто она являлась стеной с тайником внутри в каком-нибудь шпионском фильме.

Рыбаки продолжали следить за событиями, сгруппировавшись возле верхней ступени на краю пирса. За маленьким целлофановым окошком столпились люди. Оказалось, что посетителей кафе было все же больше, чем пара человек. Пары две-три, как минимум.

Звонкие «тук-тук», что сейчас гордо разносились по округе, к сожалению, в любом месте подопытной ступени были одинаковыми, как тираж одного выпуска газеты. Я поднялась, опечалившись. Снова промах. Третья ступень, третья ступень... Стоп. Третья ступень? А если считать сверху, то я стою аж на шестой!

Резво подскочила и, отпихнув попавшегося на пути к вожакам Димку, побежала наверх, на третью ступень. Рыбаки, находившиеся на верхней ступени, загоразивали свет уходящего солнца, и я велела им отойти. Выполнив приказ, наблюдение они продолжили вести ровно с двух метров. А вот клиентам кафе «Нежух» созерцать простукивание ключом от квартиры уже второй ступени пирса мешал опять же Дима, и, стуча пальцами по целлофану, служившему окном, они знаками велели ему немного отойти в сторону. Как ни странно, немой намек был понят, и сопровождающий Катю Любимову, охотницу за ступенями, парень великодушно открыл просящим обзор. Они показали ему в оконце большие пальцы в знак одобрения. Я же продолжала простукивать вторую третью ступень, простите за каламбур, и вслушиваться в одинаковые звуки. Опять ничего! Нет, ну что за невезение?

Поднялась и утерла пот с лица. Тут у меня зазвонил мобильный. Это была Юлька.

– Привет, подруга! – жадно глотая воздух, задорно поприветствовала я ее.

– Че ты такая запыхавшаяся? Прикинь, ко мне пристал в зале дядька... в трусах! И везет же мне на раздетых мужиков сегодня! Где, говорит, штаны мои? А я почему знаю? А тут эта калоша с родинкой на щеке, ну здоровенная та, помнишь? Вот, тычет в меня и говорит: «А вот и вторая! Сообщница! Верните шефу брюки немедленно!» Дурдом. Мишка узнал у ребят, что это замдиректора, ее сам директор поставил на проверку пропусков, пока они ему штаны по всему этажу искали. Вот и прояснилась ситуация. А я башку ломала, чего она пароль свой забыла, клуша?

– Где нашли-то? Штаны его?

– Так не нашли! Мы так и не смогли убедить озабоченную парочку в том, что не крали их брюки, хотим уйти – не пускают. Пришлось убежать, прямо как в каком-то вестерне! Только лошадей не хватало! А этот, в трусах, за нами гонится по улице и орет как ненормальный: «Я вам заплачу! Только верните штаны!» Еле умчались.

– Что ж он сам свои портки найти не может? – негодовала я.

– Может, за кровать забились? – предположил один из матерых рыбаков, внимательно слушающий мой разговор с подружкой. – А что, у меня жена один раз там их нашла. Ходил тоже неделю без брюк.

– Он на работе их потерял, – пояснил Димка.

– М-м... – покачал котелком рыбак удрученно, жалея человека в трусах. Он понимал, что на работе, как правило, кроватей нет, так что найти пропажу будет значительно сложнее.

– Теперь мы в «Токай» идем, – продолжила Юлька вещать. – А вы где? Если хотите, присоединяйтесь, будем ждать.

– Вряд ли нам удастся. – Я не могла ей сказать, что сейчас немножко занята, но, когда скажу, она, безусловно, поймет. – Не забудь про... – я покосилась на Дмитрия, – про заколку. – Не стала упоминать словосочетание «нудистский пляж», а то Димку удар хватит. – Созвонимся позже.

Что ж, ступени пирса меня не порадовали, но я не буду сдаваться. Кафе «Нежух» – это не может быть простым совпадением. А пока – кушать, кушать!

– Есть хочу, – сообщила я кавалеру, возвращая ему ключ, и он со вздохом облегчения повел девушку ко входу.

Восемь посетителей кафе встретили нас бурными аплодисментами, я ответила поклоном, а Димка недовольно сморщился. Продавец яств тоже был не шибко рад нашим манипуляциям со ступеньками, так как едва не лишился посетителей, собиравшихся уже уйти на улицу, дабы поближе нас разглядеть, но не успевших: мы вошли сами.

Пока я под пристальными взглядами человеческих особей размещалась за свободным столиком и осматривалась, Дмитрий покупал нам пиво, бутерброды и мороженое. Кафе было небольшим и уютным. Пол был выстелен той же плотной тканью, только просто зеленой, без рисунка, а вот столики состояли из белого пластика, и, что самое примечательное, их ножки к низу имели три рельефные выпуклости. Три ступени! Только как можно туда засунуть карту? Стоит над этим поразмышлять.

Вернувшийся Дмитрий застал меня сидящей на полу и глядящей ножку пластикового столика.

– Господи, да что ты там делаешь? – не выдержал он. – Как не погляжу, ты все время копошишься где-нибудь на земле! Что, деньги ищешь?

– Угадал, – хмыкнула я с пола и вернула свой зад на стул. – О, бутерброды!

Желудок громко заурчал в предвкушении долгожданной пищи, и я не стала обманывать его ожиданий. Взяла хлеб с колбасой, которая ввиду сильной жары немного изменила свой цвет и стала мокрой, что, однако, не убавило моего аппетита, и во мгновение ока поглотила пищу.

– Бери еще, – тоном гостеприимного хозяина предложил спутник и открыл мне банку пива.

– Нет-нет, пиво пей сам, я не люблю. А вот сэндвичи – это в самый раз. – И второй бутерброд отправился вслед за первым. То же я сделала с третьим, затем принялась за подтаявшее мороженое в стаканчике.

– Странно, я-то думал, ты на диете. Потому и взял побольше бутербродов именно с белым хлебом, надеялся, все мне достанутся, – не то сыронизировал, не то сказал серьезно Дмитрий.

– Ты прогадал.

Умяв мороженое, я взяла в руки последний бутерброд и, осознав тот факт, что он последний, горестно вздохнула, смахнув едва зародившуюся слезу. Опустевшая одноразовая тарелка с россыпью белых крошек смотрелась очень сиротливо и жалко.

Димка не спеша потягивал пиво из банки, более никак не реагируя на то, что на него бутербродов не хватило. Я неожиданно поняла, что он жутко симпатичный. Раньше, видать, мне мешало осознать этот факт постоянное чувство голода. Стильные солнцезащитные очки были задвинуты высоко за лоб, однако волосы я бы посоветовала ему отрастить подлиннее, впрочем, июнь в этом году выдался действительно жаркий, а мужчины, по моим личным наблюдениям, высокую температуру окружающей среды переносят крайне плохо, хуже, чем женщины. Потому и приветствуют короткие стрижки.

Я гордо откинула прядь волос. Пушай мужики, по недоразумению называющиеся сильным полом, обратят внимание и удивятся, насколько длинные волосы можно носить распущенными в такую жару (чего греха таить, они достают мне почти до пояса). Мазохистка, скажут

многие. А пусть позавидуют моей выдержке, я считаю, что красота для женщины – это прежде всего, и иной раз ради нее в самом деле приходится себя мучить.

– Наелась? – спросил представитель «сильного» пола заботливо, но не пряча улыбки.

На самом деле я и вправду наелась, но мне не хотелось портить сложившегося обо мне мнения как о девушке с чудинкой. Потому я ответила:

– Издеваешься? Да я слона готова проглотить! – И для усиления впечатления раздвинула пошире руки, добавив: – Вот такущего!

– Ох, это еще маленький. Слоненок. Слонихи, знаешь, какие бывают? Ты в Индии не была ни разу?

– В Индии? Хм... – Я задумалась. – В Мавритании была, в Гайане была, в Бахрейне была, в Катаре тоже, в Габоне была, в Сьерра-Леоне, Танзании, Лесото, Кот-д'Ивуаре, Буркина-Фасо... Индию что-то не припомню. А что, есть такая страна?

Спутник от удивления подавился остатками пива и отставил банку в сторону, стуча себя кулаком по спине. Он не мог понять, как это возможно, зная о существовании таких стран, как вышеперечисленные, не ведать о наличии на карте слова «Индия». Но уже через полминуты разразился громким хохотом: понял, что это была шутка.

– Ну ты даешь! – вытирая выступившие то ли от кашля, то ли от смеха слезы, с восхищением похвалил он меня. – Это надо так было подловить. Танзания, Сьерра-Леоне, две последние там особо, даже не вспомню... Счет снова сравнялся! Теперь 2:2.

– Так ты еще и счет ведешь? – хмыкнула я. – А в Индии я, собственно говоря, не была ни разу, да и в других странах тоже. Но следующие два пункта посещения, намеченные мной и Юлькой, – это Питер и Англия. Так что у меня все впереди, глядишь, и до Индии доберусь.

– Хм, до Питера-то, конечно, добраться легче. И виза не нужна... – Внезапно он полюбопытствовал: – Сколько вы дружите с вашей Юлькой?

– Много-много лет. Точно и не помню.

– Такие близкие подружки? – Димка принялся за вторую банку пива, поняв, что я на нее не претендую, мне только бутерброды подавай да мороженое.

– Знаешь, Дим... – Я на пару секунд задумалась о том, стоит ли ему рассказывать о своей философии, но решила, что это никоим образом мне не повредит, и продолжила: – У меня особый взгляд на дружбу. Слышал такое поверье – «женской дружбы не бывает»? Вот. Это действительно так. Но это касается не только женской дружбы, а еще и мужской. Объясню почему. По моей собственной теории дружить могут только похожие друг на друга люди. Я сейчас докажу. Вот тебя знакомят с человеком. Вас представили друг другу, а после оставили общаться. Ты, к примеру, играешь на гитаре. Спрашиваешь: «Ты любишь музыку?» Он отвечает: «Нет», – дружелюбно так отвечает, с намеком на то, что не прочь с тобой еще пообщаться, но тебя в тот момент что-то задевает в самое сердце. Ты думаешь: какой дурак, как можно не любить музыку? Это лучшее, что есть на свете! Ведь, посуди, все мы эгоцентричны и считаем достойным любви только то, что любим сами. Иное означало бы признание нами отсутствия у нас же самих подobaющего вкуса, а кто о себе плохо скажет? Никто. Наш вкус – он ведь самый замечательный, самый-самый. «А я вот люблю путешествовать. А ты?» – продолжает подобие беседы оппонент. Ты делаешь недовольную мину. Ведь ты – закоренелый патриот, считающий, что дороже родины нет страны, зачем же куда-то выезжать? К тому же, ты, положим, еще и ярый расист, презирающие все иные, отличные от твоей, национальности. То есть принцип «других посмотреть, себя показать» тут уже не действует. Начхать тебе на другие народы. И плевать тебе, что думают они, такие убогие, о твоей великой нации в общем и о тебе в частности. Новый знакомый начинает с упоением рассказывать тебе о жизни в других странах, отчаянно жестикулируя и всем своим видом показывая, что ему тебя, такого ограниченного и безынтересного, очень жалко, и, так уж и быть, он тебя просветит. Ты молча отворачиваешься, не в силах выносить этих разглагольствований. Вывод: разговора не получилось.

О налаживании взаимоотношений и речи не идет – никто из вас двоих этого не хочет. То есть дружбы не выйдет. Второй вариант. На вопрос: «Ты любишь музыку?» – твой новый знакомый делает круглые взволнованные глаза, и из эмоционального сбивчивого ответа о том, насколько же этот человек любит музыку, ты выхватываешь суть, что парень, к примеру, барабанщик, и тоже загораешься. Далее вы с ним уже обсуждаете возможность создания группы. То есть у вас появились общие интересы, и это послужило толчком к зарождению дружбы. Доказательство принимается? – Собеседник заинтересованно кивнул. – Это был пример, основанный только на схожих интересах, то же я могу сказать про мысли, чувства, идеи и принципы. Например, вы с этим барабанщиком находитесь в самом процессе создания группы, как тут он выкидывает такой фортель, что ты ну просто в нокауте от него. Ну, допустим, старушке нагрубил. – Димка усмехнулся, качая головой, мол, пример я подала забавный, но общий ход мыслей он словил. – И ты понимаешь, что не хочешь иметь с ним ничего общего, и уходишь в сторону. Я только хочу этим сказать, что для дружбы недостаточно одной увлеченности музыкой, нужно и что-то другое, что-то большее. Идя дальше по тропе своей концепции, я могу сделать смелое предположение о том, что чем больше у двух людей общих интересов, общих жизненных принципов и моральных устоев, больше схожести в устремлениях и во взглядах на жизнь, тем больше вероятность возникновения дружеских отношений, более того, тем крепче станет их дружба с годами. Так?

– Снова согласен. – Дмитрий даже отставил в сторону банку, так и не допив ее. Неужели ему и впрямь любопытна моя теория?

– Не знаю, какое определение дают дружбе современные философы и социологи, – продолжила я, ободренная его заинтересованностью, – но я представляю себе так: дружба – это такие взаимоотношения между физическими лицами, при которых на почве схожести мировоззрений, увлечений или рода занятий, или и то, и другое, и третье, рождается частая потребность в общении, в совместном участии в каких-либо мероприятиях, а также уверенность в гарантированной поддержке и помощи при возникновении некоторых проблем. Более или менее так. И теперь возникает «но».

– Но? И что же это за «но»? – По выражению лица соседа по столику было очевидно, что раньше он никогда не задумывался над такой простой вещью, так дружба, и сейчас удивлялся, как такое понятие можно спокойно разложить по полочкам, объяснив всю его суть.

– Дружба, как мы выяснили, зиждется на похожести людей друг на друга. Кто-то оспорит, скажет, что противоположности притягиваются, а двум похожим людям будет скучно вместе. Пусть у них останется собственное мнение, мое же твердит об обратном. Те редкие примеры общения между абсолютно разными людьми являются либо исключением, либо временным явлением. Сначала это интересно, ново, как же, он совсем не такой, как ты! Но такие отношения не выдерживают испытания временем, можешь мне поверить, много примеров было перед глазами. Так что решим на сегодня, что теория о похожести друзей доказана. Но всем же доподлинно известно – все люди все равно индивидуумы! Идентичных особей не бывает. Каждый сделает отсюда свой индивидуальный вывод, я же сделала следующий: настоящей дружбы, той, которая описана в сказках, той, о которой грезят одинокие представители homo sapiens, той, которую, в общем-то, и вкладывает народ в понятие «истинной дружбы», при которой один может пожертвовать собой ради благополучия другого, *не бывает*. Ее не существует в природе, понимаешь? Да, мы с Юлькой очень дружны, мы во многом похожи, чаще – в широких, важных вопросах, но в другом, в особенности – в мелочах, мы разные. Отсюда возникают всякие трения, недопонимания, ссоры. Это бывает у всех, во всех самых дружных компаниях, но почему-то принято считать, что если конфликт замялся, то все отлично, все будет по-старому. Но это не так. Эти мелкие обиды тихой сапой, незаметно для всех, копятся внутри. В самой сердцевине компании они плещутся в магме и ждут, когда их накопится достаточно, чтобы вновь выйти на сцену в роли разрушителя отношений. Знаешь, будучи маленьким ребенком, я

была уверена, что ради подруги пойду на все. А со временем, накопив этих мелких обид глубоко внутри достаточное количество, я могу сказать с уверенностью: нет такой подруги, ради которой я пожертвую своим благополучием либо благополучием своей матери. За десяток с лишним лет я полностью сменила приоритеты. Теперь на первом месте у меня – я, на втором – мама, а подруги – на сто десятом, после телевизора, солярия и бутербродов. – Димка посмеялся. – Конечно, я не Юльку сейчас имею в виду, она мне очень дорога. И все же не так, как было, скажем, десять лет назад.

– Браво. – Дмитрий захлопал в ладоши, удовлетворенно скалясь. – Я пока еще не дорос до такой мудрости. О том, что мать – превыше всех прочих, чаще всего догоняют к старости, когда мать давно уже почилла, либо в тюрьме. А... ты не из тех мест, случайно? – Его взгляд хитро забегал по открытым участкам моего тела в поисках татуировок наподобие: «Мать родную не забуду», «Не жди меня мама, хорошую дочку», русалочки на груди, храма на спине или же имени на пальцах.

Я также поглядела на свои пальцы и, не найдя на фалангах букв «к», «а», «т» и «я», безапелляционно заявила:

– Нет, не оттуда.

– Откуда же ты такая умная взялась?

– Из тех ворот, откуда весь народ, – хмыкнула я и подмигнула.

– Не знаю, что тебе и сказать на твою идеологию. Да и нуждаешься ли ты в моей рецензии? – пожал он плечами и правильно сделал: я давно уже опиралась лишь на свое мнение. Чужое мне по барабану. – Однако Михе было бы неплохо это послушать. Он по-прежнему к дружбе относится очень трепетно и считает, что друг, как и возлюбленный, должен быть один-единственный. И часто жертвует чем-либо, дабы прогнать от меня недостойных, по его мнению, субъектов. Впрочем, я уже рассказывал это. Хм... А тяжело быть умной? Каково это вообще?

Я улыбнулась. Даже если это была издевка, то все равно приятная. Не знаю, как для других женщин, а для меня комплимент «умная» или «мудрая» слышать даже приятнее, чем «красивая». То, что я красива, я могу узреть в собственном зеркале, а то, что я еще и не дура, – на это должны указать другие.

– Иногда тяжело. Но только в тех случаях, когда рядом – одни идиоты и возникает ощущение, что долбишься лбом о стену. Чаще меня все же окружают неглупые, а подчас эрудированные люди, и бремя мудрости становится нужным положительным качеством моей личности, которым хочется воспользоваться.

– Да-да, я смотрю, мало того что ты умна не по годам, ты еще и шибко правильная. Не куришь, не пьешь. – О, это ты зря! Видел бы ты меня вчера в обнимку с коктейлем «Диана»! Шучу. Собственно говоря, я еще ни разу не была конкретно пьяной, так, чтобы до потери адекватности, хотя по праздникам часто бываю навеселе, потому что обожаю шумные, веселые компании. Не то что Юлька, та их на дух не выносит. – В Гринпис-то вступила?

– Собираюсь на днях, – серьезно ответила я, не собираясь, конечно, никуда вступать. А что, только ему подшучивать можно? – Кстати сказать, тебя я тоже с сигаретой не видела.

– Бросил. А ты и не пробовала? Наверно, даже самокруток не курила?

– Кого не курила? – разинула я рот, впервые услышав такое наименование сигарет. Знаю, есть «Мальборо», «Вог», «Кэмэл»... Что за «Самокруток»? Отечественные, что ли?

– Ну самокрутки! В малолетстве все дети увлекаются. Я имею в виду нормальные, «немудрые» дети. Берут лист бумаги, пичкают его сухой травой, сворачивают и выкуривают. – Я попыталась нарисовать сию картину в воображении, но оно, видать, было настолько ленивым после объедания бутербродами с забродившей копченой колбасой, что ничего не вышло. Тогда я просто округлила глаза, пусть объяснит поподробней. – Ну смотри. – Дима оторвал этикетку от стаканчика со съеденным мною мороженым и начал его сворачивать. Я зачарованно

смотрела на это действие, пытаясь поймать сумбурно бороздящую просторы моего «мудрого» разума мысль, но не справляясь пока с этой сложной задачей. Если бы мысль летала по какой-то системе, эту систему можно было бы вычислить и, встав на пути у нежелающей быть изобличенной думы, таким способом ее отловить. Но не тут-то было. Она перемещалась по мозгу совершенно беспорядочно, точно сама накурилась самокруток из конопли и теперь ее торкало из одного конца сознания в другой.

– Дай-ка я попробую.

Я выхватила у изумленного Димы этикетку и сама принялась ее вертеть и так и эдак, скручивая и развертывая. И тут...

– Ножки! – вскочила я со стула, на котором сидела, громко вскрикнув и уставившись на низ столика. – Ножки! Они внутри пустые?

Как же повезло, что мой кавалер учился на психолога! Сколько повидала психологов, все они были до ужаса спокойными и выдержанными личностями. Наверное, им преподают особый предмет, обучающий самообладанию. А возможно и наоборот: спокойствие – не следствие, а причина, по которой ученики выбирают себе профессию психолога. Мною подмечено, что большинство врачей – флегматики. А психолог – это в какой-то мере врач.

Короче, Дмитрий удивился, но не настолько, чтобы бежать от меня со всех ног и никогда больше не попадаться на глаза, сделав анонимный звонок в «Неотложку» и назвав мои приметы.

– Чьи именно ноги ты имеешь в виду? – сглотнув, спросил он меня.

Так, Катя, возьми себя в руки. Мы же договаривались с Юлькой никому ничего не рассказывать. Как я могу тогда объяснить свое поведение? Надо что-то срочно придумать.

– Э-э... твои, – ляпнула я первое, что пришло в голову. В умную такую, мудрую голову.

Его брови немедленно поползли вверх, да так там и застряли. Опустив на свои ноги глаза, он спросил меня:

– Отчего ты считаешь, что они пустые? И что же это, долбаный блин, вообще может означать – пустые ноги?!

Он, несомненно, прав. Что же это может означать, в самом-то деле? Думай, Катя, думай.

– Ну, на тебе брюки. А я вот в мини, и сразу видно, что мои ноги настоящие. – Никакой малейшей логики в моих словах не было, и Дмитрий мог припомнить, что на пляже-то он расхаживал без брюк. Однако напоминание о моих ножках (я их еще удачно выставила в проход) заставило его мыслить в другом направлении, и слава богу.

– Не просто настоящие. Детка, они великолепны, – перешел Димка на флиртующий тон, поняв, что гроза миновала. А то женщины – как обезьяна с гранатой, никогда не знаешь, что они выкинут. – Ты бы так и сказала, не желаешь, мол, солнышко, раздеться. Я бы с радостью оголился, а то сейчас так жарко, даже вечернее время не спасает. Хочешь – пойдем к нам в квартиру. Миха занят твоей подружкой, так что он не сможет помешать тебе щупать мои ноги, проверяя их подлинность. Ну и остальные части тела... – Парень гадко ухмыльнулся и самым пошлым образом мне подмигнул. Нет, ну как он мог такое обо мне подумать?

Однако я тоже перевела дыхание, поняв опять-таки, что гроза миновала. Только моя гроза была бы куда более страшной, чем та, которую он себе вообразил.

Зал с трепетом следил за диалогом, ожидая от меня ответной реплики и понимая, что каменная лестница пирса – это были еще цветочки.

– Давай ты сперва покормишь свою даму, а потом уже разговор иметь будем!

– Как, опять? Ты уже проголодалась? – Столько раз за один день я еще никого не удивляла, честное слово. Я даже возгордилась собой, ибо переплюнула свой же собственный рекорд.

– Между прочим, я так и не наелась. А ты обещал мне слона.

Так как служитель кафе тоже держал ухо востро, Димке даже вставать с места не пришлось, он просто крикнул громко, не поворачивая головы:

– Слонятина есть у вас? – как будто затылком чувствовал, что бармен любит его спиной и моими прославившимися на все кафе ногами.

– Нет, – лениво отозвался тот. – Есть шашлык из свинины. Вчерашний.

– Вчерашний не пойдет. А что еще есть?

– Подойди да посмотри!

Забавный этот мужик, продавец и кассир в одном флаконе, подумала я, а Димке ничего не оставалось, как подняться и вновь отчалить к прилавку.

Что ж, дорога была открыта. Боясь спугнуть людей шумом, я максимально осторожно, присев на корточки – с некоторых пор моя излюбленная поза, – приподняла ножку стола, однако не учла того, что его поверхность не была пустой. Одноразовая посуда, обе банки и стаканчик из-под мороженого посыпались на пол, не удержавшись на повернутой на большой угол гладкой пластмассовой поверхности. «Только не оборачивайся», – молила я про себя, но Димка, разумеется, обернулся на шум и увидел как его пассия, перевернув стол со всем его содержимым, засовывает палец в пустоту внутри ножки. Потом то же самое проделывает и с другими двумя ножками этого стола.

Постояв в раздумьях, он все же проявил храбрость и вернулся, говоря мне по дороге:

– Да что же с тобой, на хрен, происходит? Что ты там делаешь на полу?

Посетители кафе, поскольку всё уже давно доели, внимательно следили за происходящим. К целлофановому окошечку со стороны улицы прилепились недавние рыбаки, тоже наблюдая за развитием событий.

– Ой, Димочка! Ты уже вернулся! Э... помоги мне поднять стол, а? Он вдруг – бах! – и перевернулся, – силилась я оправдаться, глядя в его серо-зеленые навывкате глаза.

– Но я видел, как ты сама его перевернула! Сама!

– Я?! – ошарашенно вытаращила я глазки. – Ты что! Зачем мне стол переворачивать, скажи на милость?

– Вот я тебя и спрашиваю – зачем?

– Да, зачем? – донеслось со всех концов кафе, а рыбаки у окошек согласно закивали, показывая, что тоже не прочь узнать ответ.

Я молчала. Поняв, что ничего от меня не услышит, Димка, глубоко вздохнув, взялся за столик и перевернул его, извинившись перед работником кафе. Последний пожал плечами, однако прибавил, что если «ваша дама» еще чего-нибудь вытворит, он самолично вышвырнет ее, то есть меня, из заведения, так как, кроме всего прочего, является на полставки вышибалой.

Дмитрий поднял меня за руку и, усаживая на стул, поднес губы к самому уху:

– Послушай, солнышко, я не знаю, что у тебя здесь за дела, но мне не хотелось бы из-за этого страдать. Давай хотя бы остаток вечера проведем нормально.

Я закивала котелком, а сама думала вот о чем: как бы мне умудриться перевернуть все-все столики этого кафе и проверить все-все ножки этих столиков так, чтобы не оказаться вышвырнутой на улицу добрым кафешником? Так, нужно, чтобы люди вышли на улицу, а я осталась здесь одна. Как же их выкурить-то? О!

Напустив в голос побольше тревоги и испуга, я выкрикнула:

– Пожа-а-а-р!! Гори-им!!

Все тут же подскочили, заметались (я мысленно хвалила себя за смекалку), но почему-то, вместо того чтобы выбраться на улицу, огляделись, и со всех концов послышалось:

– А что горит-то? И где?

– Да вроде ничего не горит!

– И дыма нет!

– Кого вы слушаете? Дамочку, простукивающую ступеньки и переворачивающую столы? Не смешите!

И, к моему ужасу, люди вновь уселись по местам. Продавец и вышибала напомнил им, что либо пусть покупают еду, либо расходятся. Они снова пошли вопреки моему плану, выбрав первое.

– Блин! – сказала я и вспомнила про Димку. Он молча сверлил меня взглядом, и, мне кажется, я была не права, когда решила, что сильнее удивления в санатории у него уже не будет. Сейчас он был настолько удивлен, что... Мне оставалось лишь молиться, чтобы он меня не пристрелил, поняв, что я буйная и опасна для общества.

– Зачем. Ты. Сказала. Что мы. Горим?! – произнес он по отдельности, с паузами и расстановками, слова, которые, сгруппировавшись, образовали вопрос, требующий ответа, но не имеющий его.

Поскольку отвечать было нечего, я просто пожала плечами.

– Что это значит?

– Дима, в России, где мы живем, пожатие плеч означает «не знаю».

– Ты. Не знаешь. Зачем. Сказала. Пожар?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.